

Аіон91

Сделка

Ventura2017

... - Отрекшийся единожды от веры не войдет во врата Господа!

Эти слова я услышал перед тем, как заключил сделку с демоном, ценой которой стала моя жизнь, и не только она. Договор и условия перевернули мой привычный мир с ног на голову, а так же открыли глаза на многие вещи, которые были от меня скрыты теми, кого я считал родными и близкими...

На ваш суд, дорогие читатели!

Гарри

— Кто-нибудь! Хоть кто-нибудь! Прекратите это!

Запретный лес, жертва своей жизнью ради других, надежда, что лорд, убив меня — остановится и не пойдет на Хогвартс. Мольба высшим силам и предкам за моими плечами так и не была услышана, а жертва оказалась напрасной. Слетевшим с палочки лорда заклинанием стало Круцио, ведь Авада — это легкая смерть, которой я не заслужил. На глазах свиты, применяя пыточное за пыточным, смеясь и радуясь моим мучениям, лорд ждал, когда я стану молить о прощении и службе. Но я посылал его, получая очередное Круцио, Кипящую Кровь, Секо, и тому подобные проклятия, приносящие мне потоки боли и неопишуемые страдания.

Надрывно крича, посылал лорда и его предложение покаяться Запретным лесом, срывал в очередной раз голос, от которого после длительных криков, воплей боли и стонов остался лишь шепот. Грудь разрывало от боли, легкие горели пламенем, сердце билось и сокращалось с такой силой, что казалось оно вот-вот порвется на лоскуты и мышцы. Кровь кипела, кости выворачивало, боль была настолько сильной, что слезы становились кипятком, катаясь по щекам.

— Тебе никто не поможет, Гарри Поттер, — шипел мне в ухо безносый урод, имя которого все так боятся произносить. Очередное Круцио, совмещенное с «Кипящей кровью» хлынуло к моему телу, с новой силой выворачивая и выкручивая сустав за суставом, разбивая в пыль кость за костью. Чувствую, как по щекам текут уже не слезы, а дорожки крови, дышу я тоже кровью, и она везде, во рту, в носу, ей пропитаны волосы, кожа, еще немного — и я буду залит ей.

— Пожалуйста! Кто-нибудь! Прекратите мои страдания! Хоть сам Сатана! — шепот, едва различимый, взывающий к Высшим Силам и Высшим Сущностям, не важно каким, лишь бы услышали и закончили эти муки. И плевать, какой за отклик станет цена, я готов на все, даже душу и магию отдать, только бы прекратились эти пытки на глазах Пожирателей, на этой треклятой окраине Запретного Леса.

— *Отрекшийся единожды от веры не войдет во врата Господа!* [1]— услышал я голос на грани сознания. Перед глазами алая пелена, вместо тела кровавое месиво, кожа расплзлась, зияла дырами и висела лоскутами, от костей осталась лишь пыль, и я сам скоро стану ею. Усмешка и ответ на слова из писания:

— Стал бы тот, кто верит в Бога, звать Сатану на помощь? — смех и кашель, несущий пепел вперемешку с кровью и остатками легких. Я уже не чувствую рук, ног, тела, ничего. Только боль, и стойкий вкус железа, пропитавший все вокруг. Я не слышу и не вижу окружающих, не понимаю, где нахожусь, и реально ли мне кто-то ответил. Но я отвечаю в ответ, даже если это предсмертная агония и бред. Меня же снова спрашивают:

— *Ты сказал, что готов на все, и не важна цена, даже если ей станет душа! Так вот тебе сделка, Гарри Поттер. Помощь и сила в обмен на твою душу, бессмертную, волшебную, принадлежащую Хель!*

— *И вы остановите тех, кто убивает меня и грозит поработить весь магический мир?* — с надеждой в голосе, но получаю лишь:

— *Сам остановишь!* — смеется надо мной и ситуацией откликнувшийся, — *твоя человеческая душа будет моей, а взамен ты получишь часть моей сущности и силу, способную справиться со всеми твоими врагами. А после мести станешь служить мне верой и правдой.*

— *Как именно служить?* — не понимаю, о чем идет речь, а он все так же с усмешкой:

— *Увидишь!* — говорит он, предлагая: — *сделка?* — и образно пожимая руки, я даю свой положительный ответ.

Сущность резко опалает меня своим ледяным дыханием, проникает в самую душу, тянется к магическому ядру, сжимает на нем руку и дергает, вырывая его с мясом, рвя жилы, сухожилия, вены и артерии. Мой сдавленный крик, боль, пустота и тишина. Сердце замирает, жизнь покидает тело, а глаза сами собой закрываются, даря темноту и спокойствие.

Плывя по течению энергии долгое время, не осознавая себя и не ощущая, не видя, и не слыша ничего, кроме шума морского прибоя и прохладного ветра, треплющего мне волосы, резко и неожиданно падаю вниз, словно мне на грудь положили внушительных размеров камень, а к ноге присоединили цепь со стальным шаром. Меня тянет на дно, легкость быстро уходит, на смену ей приходит тяжесть и жар, опалаяющий тело.

— Странно! Я думал, что умер!

Сознание медленно возвращается, как и тактильность тела, и словно по щелчку пальцев, слишком быстро ко мне возвращаются все пять чувств, обостренные до невероятного состояния. В глаза бьет яркий свет, в нос запах гиппогрифьего навоза, во рту стойкий вкус моей крови и горелых внутренностей, слух улавливает бешенное сердцебиение лесника, держащего меня на руках, а так же все то, что происходит вокруг. А именно пафосная речь Тома Реддла, говорящего о мертвом герое и о том, что свет пал, а тьма победила. Далее вступает Невилл, говорящий, что пусть я и погиб, но буду жить в их сердцах, душах, в каждом из них.

«— А Невилл, оказывается, может воодушевлять!» — подумал я, ощущая, как настрой окружающих на сражение с лордом поднимался и загорался новыми красками. Медленно открывая глаза и шепотом прося Хагрида не выдавать моего воскрешения из мира мертвых. Мне нужно застать лорда врасплох, напасть неожиданно и резко. И плевать, что палочки нет. Отниму у кого-нибудь, или беспалочковой шарахну. Теперь я на это способен в силу нечеловеческой сущности.

Подгадав момент, когда Невилл с мечом Гриффиндора несется на лорда, резко спрыгиваю с рук Хагрида и атакую энергетической волной. Тут же слышу голос слизеринского блондина, зовущего меня:

— Поттер! Лови! — и мне в руки прилетает его палочка, неся на себе странный отпечаток нечеловеческой сущности темного направления. Об этом мы с Хорьком потом поговорим, а пока последний бой между Томом Реддлом и мной. За нашими спинами останки Фениксов и Пожиратели, сражающиеся изо всех сил, отдающие жизни за новый день и будущее без тирании и тьмы.

Срываются с наших палочек заклинания, во все стороны летят искры, в воздухе повисло неимоверное напряжение, еще чуть-чуть и взорвется энергия сверхновой звездой. Но этому не бывать. Навстречу друг другу выпущены изумрудный луч Авады Кедавы и алый поток Экспелиармуса. Лорд рычит, шипит, матерится и прокликает, желая мне издыха, а я говорю:

— Я уже мертв, Том, — сверкаю на него зеленью авадовых глаз с вертикальным

зрачком, скалясь в улыбке, демонстрируя белизну зубов и остроту клыков, — ты меня убил, Том. Там, на окраине Запретного Леса, — откидываю непослушную, кудрявую челку назад, демонстрируя чистую, без намека на шрам-молнию кожу. Реддл смотрит на руку, видит длинные, тонкие пальцы, на которых заострились и почернели ногти, став когтями, — ты победил человека, Реддл, — мой смех и убивающий, подобно Аваде взгляд, опаляющий жалкий огрызок души, тлеющий и рассыпающийся пеплом в груди, — но проиграл демону!

— Демону... — шепот, страх в багровых глазах и проигрыш. Палочка рассыпается, убивающее заклятье сходит на нет, а тело, как и душа, становятся пеплом. Это первая жизнь, которую я отнял во имя Господина. Душа, которую я отправил в его чертоги. Осталось самому подкрепиться и продолжить путь, неся волю Лучезарного.

2 глава «Малфой»

Демон без имени

Именно так, ведь имени у меня нет, пока нет. Оно появится тогда, когда я преподнесу Господину первую полноценную душу, переполненную одним из семи смертных грехов. А самые вкусные души — у магов, поддавшихся искушению и грехам. Рассадник же оскверненных — школа, министерство и Азкабан. Для министерства я пока не дорос, у дементоров пищу отнимать не стану, а вот вернуться в школу и доучиться — почему бы и нет. Да и приглашение от директора Макгонагалл я уже получил, пусть и на старое имя Гарри Поттер, которым уже не являюсь.

Пока шло восстановление школы — проходили суды над выжившими Пожирателями. Мне было плевать на всех, их ждало или пожизненное заключение в Азкабан, или поцелуй с дементором. Но почему-то сущность требовала спасти Малфоев. Особенно младшего, самого зазнаистого и павлинистого слизеринца на моей памяти. Для этого решил воспользоваться именем Героя Войны и Избранного. Отправил через запрос требование на присутствие и право голоса. Мне ответили в тот же самый день, через несколько десятков минут. Разрешение подписано самим министром Кингсли Шеклболтом.

К назначенному времени слушания над Малфоями, я сидел рядом с лордами и леди мне не знакомыми, но приятно-пропитанными одним из семи грехов — злостью. Витающий в зале суда грех приятно опалял, окутывал и пропитывал каждую клеточку моего тела, естества и сущности, даруя сладкое жжение на языке, и напоминал привкус мяса с кровью на гриле в приправах. Стараясь отвлечься от витающего аромата и выделяющейся слюны, слушал все слова обвинения, кидаемые в адрес блондинам, особенно старшему. По леди прошлись по касательной, она леди дома мужа, да и метки на ней нет.

Заседание прошло шумно, громко и с пожеланиями скорейшего отправления во владения Хель. Но как только спросили, есть ли желающие сказать слово в защиту, встал я, выступив защитником. На меня хотели ополчиться лорды и леди, пострадавшие в этой войне, потерявшие дорогих, любимых, близких, тогда я напомнил всем:

— Разве это лорд Малфой пытал Круцио вашего батюшку, леди Дравена? — та резко замолчала и отрицательно мотнула головой, — неужели Драко применял кровавые проклятия, обращая в багровое месиво из внутренностей и торчащих обломков костей вашего дядюшку, лорд Арлонд? — тот, как и леди Дравена резко затих и забыл, как говорить, — может быть, это леди Нарцисса вместе со своей свихнувшейся сестрой Беллатрикс и ее супругом и деверем вламывалась в дома магглов и магглорожденных с целью пыток и убийства?

— Нет, мистер Поттер, ее среди отряда Пожирателей не было! — говорит свидетель, чудом уцелевший после налета Пожирателей на пригород Лондона. Лишился руки, глаза, но остался жив.

— Тогда почему их судят наравне с боевыми Пожирателями Смерти, на руках которых реки крови, а за плечами горы трупов? Они, — показываю на блондинистую семью слизеринцев, — сами жертвы, вынужденные слуги, находящиеся под гнетом темного лорда! Слуги в собственном доме! Метка на руках лорда Малфоя и Драко — это рабское клеймо, а не звание собрата! Разве сторонников и соратников пытаются Круцио? Наказывают за неповиновение и непослушание? Нет. Только провинившихся слуг и рабов.

Слова, сказанные мной, разошлись по всему залу, вызывая волну обсуждений, споров и пересудов. И пока волшебники разбирались во всех мной сказанных словах, я новыми способностями рассматривал Драко и Люциуса. Старший блондин, каким был, таким и остался, человек с магическим ядром, а так же родовым проклятием «Один Потомок». А вот младший...

— Невиновны!

Вывел меня из мыслей вердикт судьи, отпускающей Малфоев из зала суда на волю. Ограничители магии сняты, штраф и отработка на благо магического мира выписан, а сами они реабилитированы. Люциус может вернуться на службу в министерство на прежнюю должность, а Драко продолжить обучение в школе. Леди же будет, как и прежде, хранительницей домашнего очага. Только по душе ли им будет возвращаться в мэнор, где ни так давно жил змеемордый лорд со своей свитой, кормя змею за их обеденным столом? Сомневаюсь.

— Поттер! Подожди! — кричит мне вслед Драко. И я остановился, спросил, что ему от меня надо. — Поблагодарить и предложить то, что не смог сделать правильно в одиннадцать, — протягивает мне руку слизеринец, говоря: — Драко Малфой, — а я на нее отвечаю, называя человеческое имя:

— Гарри Поттер. Будем знакомы, — этот разговор дал мне возможность рассмотреть душу блондина внимательнее, глубже. Даже проверить ее на вкус и запах. Все еще держа его за руку, коснулся вкусовыми рецепторами малфоевской души, закрыв глаза, сказал: — потрясающие ощущения, нет желания попробовать на вкус, просто приятно находиться.

— Взаимно, Поттер, — на моей руке сильнее сжались пальцы, кожу тут же обдало прохладой, а в носовых пазухах затесался запах железа, он же запах крови. Смотря на блондина демоническим зрением авадовых глаз с вертикальным зрачком, вижу алые провалы без белка и зрачка, а так же белизну и остроту клыков, открывающихся в улыбке. — Значит, демон.

— А ты вампир, — синхронное кивание, подтверждение личностей друг друга и расцепление рук без дальнейших спецэффектов сущностей. Потом вопрос: — В школу вернешься? Или с родителями поедешь во Францию?

— Вернусь, а ты?

— Обязательно. У меня есть долг к определенным личностям, который я хочу вернуть. Как жизненный, так и смертельный, — уточнять не стал, потом введу его в курс дела. — Лучше скажи, как умудрился вампиром стать? И отец с матерью в курсе?

— Не в курсе. Один из прихвостней лорда развлекался. Изнасиловать себя я не дал, сбежал, а вот от обращения не смог, — криво улыбнулся слизеринец, откидывая волосы назад, показывая две едва заметные точки от клыков на шее. — Он выпил меня почти досуха, а потом влил в рот своей крови, свернул шею и ждал пробуждения, чтобы напоить человеческой. Но вместо девушки, приготовленной мне на первую трапезу, я выпил его, вонзая в грудь свою палочку, а девушку отпустил, стирая ей Обливиэйтот память. А ты, как демоном стал?

— Край Запретного леса, много Круцио, проклятий и желание умереть, прихватив их всех с собой. Мне было плевать чем платить, магией, жизнью, душой. И я заплатил. Получил силу, новую сущность и возможности, а с ними и обязанности перед Лучезарным.

— Люцифер? — шепотом удивился он, — к тебе явился сам Сатана? — я кивнул, подтверждая, а Малфой все еще никак не отойдя от новости вмешательства Князя Тьмы,

выдал: — Ну, Поттер! Только у тебя такое может быть!

— И, да. Поттер я теперь номинально. Имя мне дадут с первой полноценной душой, принесенной во славу Господина, приправленную одним из грехов. Так что Поттером ходить не долго осталось. Но по старой памяти можешь меня так называть, разрешаю, — улыбался и смеялся я. Как и слизеринец, с которым мы шли по Косой Аллее, направляясь в Лютный, чтобы снять временное жильё.

Возвращаться на Гриммо у меня нет желания, как и у него, поэтому пошли туда, где тихо, малоллюдно и спокойно, где таким, как мы, самое место. Квартиру на двоих нашли быстро, за месяц вперед заплатили, а после аппарировали в школу, на аудиенцию к директору Макгонагалл. Она была рада видеть нас обоих, особенно зарывших топор войны. Спросила о планах Малфоя продолжить обучение, и не передумал ли я возвращаться и доучиться.

— Для этого мы и пришли, директор, — говорит блондин, — Поттер уговорил меня вернуться на общий восьмой курс, а я хочу сделать тоже самое для своих друзей, если вы не возражаете, директор Макгонагалл, — он как всегда вежлив и учтив, спокоен и монотонен. Определенно, этот и прошлый год стали для него жизненными уроками, сбившими подростковую спесь.

— Буду рада видеть мистера Нотта, мистера Забини и мисс Паркинсон в новом учебном году. Список книг я вам передам один на всех. Прибытие со всеми на поезде, и просьба, все прошлые ссоры, обиды, оскорбления и иносказания оставить в прошлом. Восьмой курс сделан для того, чтобы примирить все факультеты и закопать в землю старые обиды и распри. Я ясно выражаюсь, наследник Малфой?

— Ясно, директор Макгонагалл, — легкий поклон и меня резко тянут за рукав к двери директорского кабинета. А когда мы отошли на достаточное расстояние, Драко шепнул с дрожью в голосе: — Кем бы я не стал, но ее как боялся с первого курса, так и боюсь до сих пор. От ее голоса и тона по телу мурашки бегут, хочется в струнку вытянуться и сказать: «Есть, мой генерал!». И даже не знаю, кто страшнее в гневе, лорд покойный, или Макгонагалл.

— Макгонагалл, конечно! — смеюсь, припоминая первый курс и наказание в виде прогулки по ночному Запретному Лесу с Хагридом. Досталось тогда от нее не только нам троим, но и Драко. Он кивнул, рассмеялся и аппарировал на квартиру, а я следом, обживатьсь.

Вещей у нас с Драко мало, лишь то, что нужно для гигиены и приемлемого внешнего вида. Еда человеческая нам более не нужна, а делать вид мы будем исключительно в школе, чтобы не вызывать подозрений. И то, лишь среди многих, так как конкретные личности будут в ближайшее время осведомлены о наших истинных сущностях.

— Мне то пофиг убить меня крайне проблематично. А вот тебя... Ну, если хочешь осиноый в сердце, то кто я такой, чтобы отговаривать, — говорил то, что произойдет, если этот хозяин платиновой шевелюры расскажет своим дружкам о нашей иной сущности. Ведь волшебники в редких исключениях принимают темную тварь в свое окружение. Таких один на сотню, а то и тысячу. Но как оказалось:

— Не вонзят и не предадут. По двум причинам: первая — они мои лучшие друзья с первого курса, к тому же повязанные кровью, второе — они тоже не люди, — вот тут я офигел от новости, и требовал продолжения с пояснениями, кто к какой конкретно ячейке темного общества относится. Он не стал раскрывать тайную сущность своих товарищей,

говоря с улыбкой, алыми провалами и белоснежными клыками: — пусть это будет для тебя сюрпризом, Поттер, — а я не настаивал, ведь подождать осталось не долго. Пойдем за покупками и узнаю. А пока привыкал к новым способностям, постигал возможности чтения души и вкусам, которые пропитывали и пронизывали каждую ее клеточку и дуновение.

3 глава «Каковы друзья на вкус?»

Все еще безымянный демон

Недолго мне осталось ходить безымянным, каких-то два дня — и я с Малфоем и бывшими слизеринцами вернусь в школу. А там целый шведский стол для демона, бери и ешь. Одни призраки факультетов и Пивз в придачу чего стоят, а отпечатки душ на картинах? Ммммм! Это просто праздник какой-то, а не начало нового учебного года. Но перед этим встреча с друзьями, разговор об отношениях с Джинни и планы на предстоящий учебный год. Интересно, подвержены они каким-либо грехам настолько, что их души будут в них утопать, или же нет, и можно не обращать внимания и продолжать общаться, играя в друзей. Узнаю, когда приду на встречу, назначенную через час.

— Поттер, — зовет меня Малфой из своей комнаты, — тут тебе сова послание передала из банка, с гербом рода Блэк. Посмотреть не хочешь? — спрашивает блондин, показывая конверт. Но я отказался, сжигая письмо прямо в его руке, чем вызвал крик и упрек: — эй, зараза! Больно же! — рука вампира дымилась, но от ожога ничего не осталось, — кормить меня кто будет? Ты? — выдвигая на меня клыки и сверкая алыми глазами. Протянул руку, говоря:

— Попробуй, если не отравишься, — даже надрез на запястье когтем сделал. Увлеченный капающими на ковер алыми каплями, Драко сделал несколько шагов вперед, повел носом, вдыхая запах моей крови, пробуя его на вкус лишь обонянием, а потом резко отшатнулся и скривился, говоря:

— Гнилыми яблоками пахнет. Пожалуй, откажусь, — а я пожал плечами, поднес руку к губам, и зализав рану, проводя языком по всей рваной полосе, сказал, что если вдруг решится испить демонской крови, то милости прошу. Он еще раз шарахнулся и категорически отказался: — нет уж!

— Как хочешь! — махнул ему на прощание и ушел на встречу с гриффиндорцами. Мне пожелали удачи и гастрономического удовольствия. Смеясь и предвкушая, шел к лавке с мороженым.

У «Фортескью» меня ждала компания из Рона, Гермионы, Джинни, Невилла и Луны, которую я рассматривал не долго, в отличие от остальных. Понял, что она нечто большее, чем волшебник по красной нити, тянущейся от сердца и уходящей через ткань мирового пространства. Пахло от Луны мятой и лимоном, и никаких грехов и прегрешений. А вот от друзей... От Рона так и разило Чревоугодием и Лениью, сочетанием двух вкусов — молочного и овощного, как от картофельного пюре, сдобренного сливочным маслом, которое запивают молоком.

От Гермионы же исходил вкус Гордыни, по вкусу напоминавший фуа-гра или другой деликатес, который мне доводилось пробовать после обучения тетки на ее дебильных кружках домохозяек. Но было вкусно, хоть и с пола. От Джинни исходили флюиды Похоти, слишком сладко, приторно и до тошноты. А вот от Невилла, в отличие от остальных лишь слегка фонило завистью. Не вкусный грех, не по мне, словно комок соли на язык положили.

— Гарри, как я рада тебя видеть! — кидается мне на шею Джинни, а я едва сдерживаюсь, чтобы не блевануть на нее радугой, которую она из себя строит. Едва сумел отцепить ее от своей шеи, как тут же к ней прицепилась Гермиона, а следом Рон, который готов был выбить из моих легких весь воздух, если бы он там был.

— Вы поговорить хотели, будущий год в школе обсудить. Так давайте обсудим в тихом месте, — предложил я, показывая на кафе с мороженым. — Угощаю, — и тут же загорелись две фигуры, активируя грех, которому они подвержены. Рон — синим, отражающим Чревоугодие, и Невилл — лазурным, означающим зависть. Но от мороженого никто не отказался. Все прошли в лавку, заказали то, какое по душе и пока ждали, спрашивали меня о планах на восьмой курс.

— Ты принял приглашение Макгонагалл? — спрашивала Гермиона, — мы с Роном и Невиллом вернемся в школу, — а Луна и Джинни будут учиться, как и положено на седьмом курсе.

— Да, я уже согласился, давно, — уточняя, — и не я один.

— Малфой! — зло выплюнул Невилл, — Пожирательсикй выродок! Ему не место в школе, которой он не достоин! Пусть катится куда подальше, — с силой сжимает кулаки Нев, окрашиваясь для меня алым, играя на языке гневом и остротой перца Чили. Этот вкус нравится мне больше зависти. Так и хочется попробовать. Но я вовремя прикусил язык и подавил наклонности сущности.

— Он, как и все мы заслуживает второго шанса, — говорит Гермиона, слегка поднимая голову, кончиком носа вверх, окутываясь пурпурным свечением, отражая свой грех, — директор пригласила Малфоя, ведь у него на возможность закончить обучение такие же права, как и у всех нас. — но Невилл был резко против слизеринца в школе, как и поддакнувший ему Рон, не переваривающий блондина с малых лет.

— Нечего бывшим служкам лорда учиться с Героями Войны! Последователи тьмы путь тухнут в одном месте — в Азкабана! — и Уизли вспыхнул пурпурным светом, но совсем чуть-чуть, не так, как Гермиона, ярко и насыщено. Гордыню резко перебило Чревоугодие, ведь нам принесли мороженное.

На какое-то время разговоры о блондине, слизеринцах и последователях света были прекращены, все были поглощены мороженым. Кроме меня. Оно для меня не имело вкуса, запаха, лишь внешний вид, которым я наслаждался, как вкусом в прошлой жизни. Но я все равно его съел, получая лишь легкое охлаждение желудка, ничего более. Для меня это холодная вода, окрашенная в цвет какого-то красителя.

— Гарри, а где ты живешь? — спросила Джинни, облизывая ложку, смакуя языком оставшиеся капельки сливок. Глаза ее были направлены на меня, как и желание обладать и властвовать. Может, в прошлом я бы и повелся на томный взгляд карих глаз, манящие, пухлые губы, окрашенные розовой помадой, округлые груди и поклатистые бедра, но не сейчас. Меня отталкивает ее доступность, настойчивость и непомерное вожделение. Поэтому:

— В Лютном, — тихий ах всех за столом, шок и непонимание, что я там забыл и почему не живу на Гриммо, — там тихо, никто меня не преследует, и о Сириусе ничего не напоминает. Да и не долго мне там жить осталось, скоро в школу же.

— А потом? — спрашивает Рон, — какие планы на будущее?

— Видно будет, — подставил руку под щеку, смотря на всех собравшихся за столом, рассуждая: — может, путешествовать отправлюсь, может, в академию какую-нибудь поступлю, может, вообще к магглам жить перееду. Этот год покажет, — и тут началось:

— Как к магглам! — чуть не плакала от обиды Джинни, — у нас же были планы! — а вот ничего подобного. Они были у тебя и мамыши твоей, которая спала и видела тебя леди Поттер, у меня же планы были приземленные, с лордом разобраться и мир магический от

его тирании спасти. О женитьбе и продолжении рода я даже не задумывался, а сейчас тем более. Продолжать нечего, я более не Поттер, а род прервался на мне же.

— Мы же в аврорат хотели, на боевое отделение! — возмутился Рон. Опять же, эти планы были у него, и то, исключительно за мой счет, так как по проходным баллам в аврорат он пролетал. Тогда как я, Герой Магичекой Британии и Избранный Света мог бы его пропихнуть и замолвив слово, сделать учеником академии Авроров. Но его ждет птица Обломинго, ведь аврорат в мои планы не входит. Пока что.

— Куда отправишься? — спросила Луна, одна единственная не ждущая от меня и общения со мной каких-нибудь плюшек. Она искренне улыбается и интересуется, тогда как остальные, делают это вынужденно, ради поддержания статуса: «друг».

— Не знаю. Восток, Север, Юг. Моря, Океаны, — задумался над тем, чтобы реально устроить себе мировое путешествие с гастрономической целью, а так же ради обучения и новых знакомств. Возможно, найду напарника по приключениям и спутника, или спутницу жизни. Пол и ориентация для меня в облике демона не имеет значения. А вот сущность, приятно греющая естество — очень даже.

— Я бы тоже хотела отправиться путешествовать, но папа... — и поникла, ведь после общения с лордом и заключения в Малфой-мэноре мистер Лавгуд совсем стал плох, сгорает на глазах, — я не могу оставить его и уехать. Но буду рада, если ты станешь присылать мне весточки из разных концов мира. — искренняя улыбка и касание тонких, светлых пальчиков к блюдцу с мороженым, на которые я засмотрелся и задумался. Но все-таки пообещал:

— Буду, не сомневайся.

— Пошли за покупками!

Резко поднимается из-за стола Невилл, беря Луну под руку, Гермиона тащит Рона, смотрящего в другие тарелки, с целью что-нибудь за кем-нибудь из нас доест, а Джинни тянет руки ко мне. Но я сразу сказал, что все купил, уже давно и пришел на встречу только для того, чтобы с ними пообщаться. На деле же увидеть души, прочесть их и попробовать на вкус. Проверил, попробовал и нашел подходящие души, как для Господина, так и для меня. Даже сладко облизнулся.

— Тогда до встречи в школе, Гарри, — процедил сквозь зубы Невилл. Следом попрощалась Луна, махнув рукой на прощание. Ушли и Гермиона с Роном, повторяя слова Невилла о встрече в школе. Не хотела расставаться и уходить одна Джинни.

— Увидимся 1-го числа, Джинни, — показал, что не намерен продолжать общение, уходя к кассе, чтобы расплатиться за десерт. Она томно и тяжело вздохнула, посмотрела на меня с разочарованием и ушла, присоединяясь к гриффиндорцам.

Определенно, Похоть невкусный грех, по крайней мере, для меня точно. А вот Чревоугодие, приправленное Лениью, или Гнев с Гордыней так и вызывает слюноотделение. Хочется склониться над обездвиженным Роном, Герминой или Невиллом, слышать попытки что-то сказать через кляп. Видеть прожигающий, полный ненависти взгляд, наслаждаться извивающимся и выгибающимся телом, каждым его изгибом, одновременно с этим вдыхая аромат души, наполненной грехом, пронзавшим и пропитавшим им насквозь. Одурманенный трепетом, смаковал бы каждый глоток, каждый миллиметр поглощаемой души, наслаждаясь.

— Так и гастрономический оргазм получить недолго! — смеется до боли знакомый и родной голос, на который обернувшись, не поверил своим глазам.

— Сириус!

4 глава «Сириус»

У меня сегодня отличное настроение, поэтому глава сегодня, а не завтра!

Некий демон

— Сириус? — не веря глазам, спросил я, на что получил родную обворожительную улыбку, теплый взгляд с россыпью звезд в темно-серых глазах с хищным вертикальным зрачком. Я не подходил ближе, все еще не веря тому, что вижу. На мою подозрительность Сириус сказал:

— Гарри, тебе не кажется, — говорит крестный, — и я тебе не мерещусь.

— Но, как ты выжил? Ты же грудью словил Аваду Беллатрикс, а потом упал в Арку Смерти! На моих глазах, это все происходило у меня на глазах! — никак не укладывалось в голове то, что открылось, пока не увидел отсутствие того же, что и у меня: — душа! — смотрел на пустоту и провал в районе груди. Горит лишь черный огонек, дарованный Преисподней. Сириус не отрицал, а предложил:

— Давай начну с самого начала и по порядку, — для этого мы с ним покинули «Фортескью» и вышли на Косую, накрывшись пологом отвода глаз. — Демоном я стал давно, во времена войны с лордом, до той злополучной ночи Хэллоуина, когда Реддл убил Джея и Лили. Причина договора проста: брат. Регулус, идиот упертый и верно-преданный лорду, наконец-то прозрел и увидел истинную личность Волан-де-Морта. Узнал о крестражах и об их предназначении, а так же о последствиях, которые они несут для волшебника. Нашел все, что было можно, по этой теме, а потом проследил за лордом и узнал местонахождение одного из них.

— Я в курсе. Мы с директором на шестом курсе нашли грот с медальоном, но тот оказался поддельным. Внутри лежала записка лорду с инициалами твоего брата. А настоящий хранил Кричер.

— Даже так... — задумался Сириус, продолжая историю становления демоном — но никто, даже Кричер не в курсе о том, что Рег жив, — вот тут меня качнуло от неожиданной новости, — только я опоздал, слишком поздно появился в том гроте. Инферналы уже сделали свое дело, утащили его на дно, заразили и почти сделали частью своего легиона. Я вытащил его из воды, но он принял облик нежити, хоть и находился временно без сознания. В тот момент, чтобы вернуть разум брата, перед которым был виноват, я был готов на все. Мне было плевать, кто и как вернет мне Регулуса, лишь брат был таким же, как и прежде. На мольбу и стенания ответил Повелитель, предложив сделку. Моя душа в обмен на брата и его жизнь при магии и разуме. И я не смог отказаться, и было плевать, с кем именно я заключил договор.

— Регулус вернулся к жизни?

— Не совсем. Разум и магия при нем, но он более не человек, как и я, как и ты. Только у него другое ампула. — У меня в голове кроме одной мысли высший лич ничего не было. Не то подобие, в каком виде возродился змеемордый лорд из своего жалкого огрызка, а настоящий, при изначальной внешности, с усиленной троекратно магией, бессмертным телом, мертвым сердцем и черной, как сам мрак, душой, но при этом все же способный на эмоции и чувства.

— Высший лич, — сказал я, а крестный не отрицал, спросил у него: — а то заключение в Азкабана на 12-ть лет? И вся история с Петигрю и сроком за его убийство? Как ты

умудрился загреметь в тюрьму? — ведь наши возможности практически безграничны, какие-то блокираторы и браслеты-подавители нас не сдержат.

— Питер ударил в меня убивающим непростительным. Авада, таких как мы не убивает, это верно, но болезненные ощущения и раны наносит. Все же удар идет по всем точкам нашего естества: — тело, магия, огонь сущности и связь с Повелителем. Именно поэтому меня и упрятали в Азкабан без суда и следствия, в противном случае я бы давно доказал свою невиновность и вышел, забрав тебя от Петунии.

— И почему не выбрался потом, а торчал в Азкабане все это время?

— Набирался сил, поглощал неуспокоенные души заключенных, общался с дементорами и Пожирателями, адекватными, не сошедшими с ума, как их лорд. Много о лорде выяснил, как и о его прошлом. А когда полностью восстановился и очистил верхние и нижние этажи от неуспокоенных, сбежал. А тут и Питер нарисовался. В отместку за Аваду в грудь хотел душой его подкрепить...

— Но снова не срослось, — кривая улыбка, — полнолуние, профессор Люпин, забывший выпить зелье и Снейп, спугнувший тебя. А дементоры? Что тогда на озере произошло? Постановка? — Сириус не ответил, лишь широко улыбнулся, а я понял и отмахнулся. Сущность нужно скрывать, даже от тех, кто близок. Но остался еще вопрос об Отделе Тайн и о том, что там произошло.

— Если бы в меня кинули Аваду, то через неделю я бы вернулся, но из-за того, что я оказался в Арке Смерти, путь обратно был не из легких. Госпожа так просто из своих чертогов не отпускает. Пришлось поблуждать в поисках выхода. Была вероятность покинуть мир мертвых, когда ты общался с Джемом и Лили с помощью Воскрешающего камня, но не вышло.

— И как же?

— Долгое и мутное общение с предками, оставленное обещание и клятва защитить потомков этих родов. А параллельно с этим, на меня, как на последнего в мире живых Блэка, хоть и условно, возложили обязательство найти главу рода Блэк, чтобы род не канул в лето. Вернувшись из мира Хель, узнав, что ты жив, надеялся передать род и титул лорда тебе, но тебе, как и мне, это без надобности. Да и без души к роду не привяжут и тем более во главенство не поставят. Для мира магии и рода мы оба мертвы.

— У меня есть кандидат для титула лорда Блэк, — Сириус смотрел на меня заинтересованно, а я ответил: — Драко. Он наследник Малфой, но Люциус помирать не собирается, так что лордом этого рода он станет еще не скоро. Зато может быть лордом Блэк, наследуя по крови матери. Как идея?

— Драко, значит Драко. Веди меня к блондинистому племяннику, обрадую его титулом лорда Блэк, новыми обязанностями и магическими дарами, которые ему светят после принятия титула, — говорит крестный, хлопая меня по плечу.

Мы с крестным идем к нам с Драко на квартиру. О том, что мы с блондином пожали руки и перешли в дружеские отношения — рассказал, промолчал лишь о его новом облике. Хочу увидеть лицо крестного, когда он поймет, что Малфой утратил человеческую сущность, став вампиром. До Лютного дошли так же, накрытые пологом, и когда подошли к дому, отозвали Чары. Поднявшись и пройдя в квартиру, хотел позвать блондина, но Драко оказался не один. В нос бьет запах трех нечеловеческих сущностей — оборотня, банши и сирены. Запах оборотня Сириус признал сразу, говоря:

— Один из гостей племянника стал волком, остальные двое также пахнут темными

сущностями, а не душами с магией и налетом греха, — отпуская демоническую сущность на волю, разжигая огонек преисподней в костер, читаю измененную душу тех, кто гостит в нашем с блондином доме. Сириус же за мной наблюдает и отмечает: — твои способности от моих отличаются. Вот, что значит сделка с самим Лучезарным, а не с его генералом, — улыбка и хищный блеск в глазах, говорящий о том, что Сириус доволен происходящим.

— Оборотнем стал Нотт, его душа и темная сущность тянется к полной луне, зовет в лес к истокам — к тьме и ночи. Красивый зверь, — вижу на душе не только отпечаток сущности, но и звериный облик, — темно-каштановая шерсть, а глаза цвета индиго, как и самого Нотта, — на мои слова вышел брюнетистый слизеринец, сверкая звериными глазами и хищной улыбкой с острыми кончиками клыков.

— Все так, Поттер. Меня укусил Сивый в отместку за то, что отец провалил задание лорда. Отца обращать бессмысленно, в первое же полнолуние он умрет, возраст не тот, а вот меня... — показал бок с уже зажившим укусом, лишь бледным шрамом от клыков оборотня, — я год, как оборотнем хожу, но в отличие от профессора Люпина с сущностью в ладах, осознаю себя в полнолуние и помню, что делал. — Нотт и его сущность отошли на задний план, когда вперед подалась Паркинсон, обдавая меня и Сириуса волной гнева и злости. Но ни разу не напугала, лишь опалила и ввела в подобие возбуждения.

— М-м-м-м, — привкус другой темной сущности, горящий в глотке, довел меня до дрожи в теле, чувству сродни оргазму, ведь она чем-то напоминала мою. Душами эта темная сущность не питалась, но с ними контактировала. Могла видеть окрас магии и одержимость одним из семи смертных грехов. Как и карать по заслугам прегрешения, вводя грешника в транс для раскаяния, — Банши! Персефона, в этом облике ты прекрасна.

Смотря демоническим зрением в район груди, видел иной облик девушки, стоящий за ее спиной. Белая, как снег кожа, длинные волосы, заостренные кончики ушей, но при этом черные, как бездна глаза, без намека на белок. Кисти рук покрыты черной чешуей, тянувшийся к локтевому сгибу подобно броне, а каждый тонкий пальчик заканчивается острыми, как лезвие когтями. Такая же черная броня из чешуи и наростов тянулась рваными линиями вдоль ключиц.

— Одна из приспешниц Беллатрикс, подружка по сдвигам и безумию, любви к пыткам и убийствам, искала себе преемницу. Я попала ей на глаза во время битвы за школу. И пока ты, Поттер, с лордом сражался, я за свою жизнь боролась, а так же за разум, — резко откинув непослушную челку на бок, скрестив руки на груди, фыркнула и вздернула острый носик Панси. Остался лишь Забини. С ним все просто.

— Птичка с магическим голосом, проще говоря птица Сириус! — сущность Забини редка и необычна, ведь представителями поющих птиц являются девушки, а мужчины становятся Сиринами в двух случаях: или они такими рождены, чаще всего от союза двух поющих птиц, или обращены главой птичьего рода. Спросил: — рожденный или обращенный?

— Обращенный. Матушка как глава рода Сириус перекинула на меня свои обязанности главы рода и свалила в неизвестном направлении, — поведение матери парня бесило, как и поступок. Обратила, а от ответственности сбежала. Не Сирина, а кукушка.

Смотря в его душу, видел иной облик. Птичья голова с длинными, ниспадающими перьями, заменяющими волосы. Глаза сверкают ярко-желтым светом, а мощный, загнутый клюв предупреждающе клацает. Черные перья с темно-синими пятнами покрывают длинную шею, грудь, спину, торс, поясницу, и верхнюю часть ног. Вместо рук широкие крылья, а ноги — это птичьи лапы с острыми когтями.

— Симпатичный индивид, — говорит Сириус, — давно птиц Сириус мужского вида не встречал, — на его слова, почти в один голос ответили слизеринцы:

— Демон! — а потом и в мою сторону: — как и ты, Поттер!

— Не Поттер я больше, — улыбнулся и посмотрел на крестного, которого заинтересовал Драко и его душа, окутанная тьмой и мраком ночи. Сириус тут же понял, какую сущность приобрел блондин:

— Ты специально про смену сущности племяшика не сказал. Сюрприз решил мне сделать, — не вопрос, а факт, — и ведь сделал, — смеется крестный, — но это не меняет моего решения сделать Дракошику лордом рода Блэк, — тут возмутился блондин, все это время стоявший в стороне. Он был наблюдателем нашего со слизеринцами разговора и представления сущностей. О том, кто я — они поняли, как только я выпустил свою силу, наслаждаясь шлейфом души Панси. А когда речь зашла о Малфое и титуле лорда Блэк, который ему предлагает Сириус, блондин спросил:

— С какой радости, дядя?

— Крестник принять титул не может, ни лорда Поттер, ни лорда Блэк. Сам понимаешь почему. А вот ты — да, так как наполовину Блэк. Пусть и потомок побочной, а не ведущей ветви. Крови Блэк в тебе больше, чем в любом другом представителе ведущей ветви, связанного со мной дальним родством. Те же Уизли, — друга передернуло, как и всех стоящих, а вот я приятно и с аппетитом облизнулся, причмокивая и смакуя оставленное Роном послевкусие Лени и Чревоугодия. Увидеть рыжего гриффиндорца на моем обеденном столе очень хотелось.

— На душу Уизли облизываешься? — спросил меня Малфой, понимая, по кому я слюни пускаю и на кого вилку с ножом точу, а я в ответ лишь кивнул, он же сказал со смехом: — Уизел — рассадник грехов, от лени до зависти. Ешь, не хочу!

— Хочу! Очень хочу! — сглатывая появившуюся во рту слюну.

Я его обязательно съем, но перед этим мне нужно отучиться год, прочистить ряды призраков, отправить на покой с десяток картин, а там видно будет. Все же есть души призраков и живых — это не одно и то же. Только для поедания душ бывших друзей нужны основания. Или сделка, или другая причина, которая позволит поглотить огонек их жизни. А подстроить ситуацию, в которой демон и сделка на душу окажутся единственным решением — мне по силам. Отвлеч от выстраивания гастрономического плана вопрос друга:

— Когда титул принимать? — спросил Малфой, рассчитывая время для того, чтобы отойти от ритуала и всех проблем, которые свалятся на его голову. Мало принять род и встать в его главе, нужно к себе и своему магическому ядру и составляющей привязать оставшихся потомков, пусть и многоюродных. А это немалая энергетическая нагрузка, как на тело, так и на ядро, которое будет перестраиваться, и меняться под направление принимаемого им рода. У Малфоя, несмотря на то, что он стал вампиром, ядро все же имеется.

— Планировал провернуть все сегодня, — говорит Сириус, — если у тебя, племяшик, нет других планов на этот день и предстоящие три. Потом будет не до этого. Страну я покину и откликнуться не смогу, — смотрит на меня, — даже на твой зов, крестник. — Я понимал причину, где он будет и почему не откликнется. Служба на благо Повелителя под началом генерала Преисподней.

Драко посмотрел на меня прожигающим взглядом, полным упрека, потом на друзей. Те были согласны с Сириусом, род Блэк не может угаснуть, ему нужен глава. А кроме Драко

никого лучше нет. Так что под давлением и обязательствами, а так же личной выгодой, лорд в 18-ть, Драко покинул комнату, уйдя за Сириусом в банк. Мы же со слизеринцами остались. Опять же ненадолго. Первым квартиру покинул Забини, попрощавшись с усмешкой:

— Пока, не Поттер! Увидимся в школе.

Следующим ушел Нотт, так же с предвкушающей улыбкой и словами:

— На платформе встретимся, не Поттер!

Осталась лишь Паркинсон. Она задержалась на пять минут, но все это время прошло в тишине. Мы с ней стояли у двери, за несколько шагов до выхода. Слизеринка смотрела на меня пристальным взглядом, прожигая серыми глазами, словно пробуя на вкус мою сущность, черный огонек и распространяемый им шлейф, витающий вокруг нас. А потом сказала, все так же, с прищуром, сдвигая тонкие, черные брови к переносице:

— Увидимся, — вот и все, что сказала Панси напоследок. Я закрыл за ней дверь, все еще ощущая запах сущности банши на своей коже, волосах, одежде. Определенно, энергия девушки не вызывает во мне гастрономический аппетит, как было с гриффиндорцами. Ее сущность напоминает мне мою. Родственную, я бы так сказал. А родню есть не дело.

5 глава «Приятного мне аппетита!»

Безымянный

Утро первого сентября!

Сборы в школу на общий восьмой курс и встреча с бывшими друзьями-гриффиндорцами, реабилитированными слизеринцами и всеми теми, кто выжил в той битве и вернулся к учебе. Мне хотелось вернуться в школу не ради встречи и воспоминаний, а чтобы закончить то, что начал. Никогда не имел привычки бросать дело на полпути. А со сменой сущности этот пунктик усилился и стал полноценной чертой моего характера.

— Готов? — спросил меня Драко, выходя из душа. Он на ходу переодевался из пижамы в брюки, рубашку и жилет, завязывая шнурки на ботинках.

— Готов, — ответил блондину, поднимая отросшие по лопатки волосы в высокий хвост, открывая на обозрение чистый без шрама лоб. Очки я так же оставил в прошлом, маскироваться и блюсти прежний облик Мальчика-Который-Выжил не стану. А если что, то победив лорда — прозрел, сняв с себя наведённое им проклятие, а шрама лишился потому, что миссию Света выполнил. Вот и вся легенда.

Мы с Блэком, а Драко теперь официально лорд Блэк, вышли из квартиры, закрыли ее магией и перенеслись на платформу. Найдя слизеринцев, видя в толпе разыскивающий меня по старой внешности гриффиндорцев, прошли в поезд и заняв пустое купе — разместились.

Нотт первым делом завалился спать, ведь день назад было полнолуние, и он еще не отошел от обращения. Заняв сиденье целиком, положив под голову рюкзак, попросил нас быть тише, и как только поезд тронулся, провалился в сон. Тео живет в ладах со зверем, но процесс превращение туда и обратно все равно дается нелегко, а давление на организм неимоверное.

— Дружба и уважение друг к другу, без какой-либо выгоды, зависти, гордыни, исключительно на равных, несмотря на статусы и титулы, — усмехнулся, смотря на Нотта, мирно спящего, и слизеринцев, поддерживающих его в трудные периоды жизни, — мне этого, увы, не понять.

— Тебе все чувства и эмоции более не ведомы, — говорит Панси, — теперь только сухой расчет и ничего более, — а я не отрицал, говорил, как есть, и не таясь. Да, любовью не воспылаю, ненавистью не вспыхну, в зависти не утону, от гордости голову не потеряю, как и от всех оставшихся грехов. Они действуют на душу, а ее у меня нет. Только огонек Преисподней, дарующий жизнь во имя Лучезарного Повелителя, да сущность, которую нужно время от времени подкармливать.

— Кто первый? — спросил Драко, имея в виду призрака или картину. Я не знал, кого бы мне хотелось отправить в желудок в первую очередь.

— По обстоятельствам, — сказал я, предвкушая, — кто не убежит в страхе перед моим истинным обликом, тот и станет добычей.

Призраки как потусторонние сущности, видят куда больше остальных. У призраков, в отличие от живых, зрение подобно магическому взгляду. Они видят все так, как выглядит на самом деле, без преград и сокрытия, через все вуали, заклинания, чары и зелья. И я для них предстану в своем демоническом облике с рогами, крыльями, хвостом с кисточкой на конце, черными когтями и зелеными с вертикальными зрачками глазами.

Надеюсь, призраки и жители картин не попрячутся все разом, а то я буду голодать. А

голодный демон — это злой демон, которому плевать на тайные места и схроны. По страху найду.

— Ты уже предвкушаешь праздничный пир? — спросил меня Блейз, смотря на черные когти, которыми я стучу в незамысловатом ритме. Отвлёкся от реальности и выпустил часть сущности.

— Да, — ответил коротко, заканчивая тему моего гастрономического интереса и школьного меню из призраков, картин и возможных душ живых, окутанных грехом.

— Как с гриффиндорцами поступишь? Они явно будут против твоего общения с нами, — спрашивает Панс, а к ней присоединятся Блейз, говоря те же слова о протесте гриффиндорцев относительно моего общения со слизеринцами.

— Пофиг! — отмахнулся, — навязать мне свое мнение у них не получится. Таким, каким я был раньше, уже не стану, а на их дружбу, внимание и заботу клал большой и толстый! — улыбка Драко, смех Забини и кивок Панси, — а их претензии к вам и нашему общению мне по боку. У них своя жизнь, у меня своя. И к ним кроме гастрономического интереса никакого нет. За исключением Джинни, — даже плечами передернул от воспоминаний о приторности ее души, окутанного грехом Похоти.

— Настолько все плохо?

— До тошноты. Ее грех настолько сладкий, что сводит зубы, и язык от ощущений к небу пристаёт. Так и сахарный диабет заработать недолго. Другое дело Рон или Гермиона, — замечтался я, снова уходя в воспоминания об их пропитанных грехами душах. — Рон — это нежнейшее, воздушное картофельное пюре с куском сливочного масла и стакан парного молока, а Гермиона — деликатес, как фуагра или буабез, изыск, которым можно наслаждаться в дорогом ресторане по какому-нибудь особому случаю. Отрезая по крохотному кусочку, отправляя в рот и смакуя каждый всплеск живительного сока.

— Все, хватит! — резко прервала мои слова Панси, — от твоих слов о деликатесах и изысках, аппетит разгорелся. Я сейчас слюнями подавлюсь, — буркнула Панси, а Драко улыбнулся и тихо засмеялся, чтобы не разбудить Нотта. — Но я бы с превеликим удовольствием посмотрела на то, как ты трапезничаешь душами своих бывших друзей, — намек я понял, принял и кивнул. А дверь купе резко и шумно открылась, от чего спавший Теодор резко подскочил и выхватил из рукава палочку.

— Малфой! Забини! Нотт! Паркинсон! — выплюнул каждое имя Рональд, наталкиваясь на меня, но не признавая и не узнавая, так как спросил: — Поттера не видели? — те отрицательно мотнули головой, а Рон выплюнул: — ну и где этого придурка носит? Шрамоголовый говнюк! Неужели опять на свою задницу приключений нашел? Вытаскивай его потом! — слушая слова Рона смотрел на душу и грех, его подчиняющий. В этот раз он переливался оттенками злости и жадности, — только теперь даром, — прошептал он, покидая купе, закрывая так же резко дверь. Его последние слова четко расслышали все сидящие в купе, особенно я.

— Значит, за дружбу со мной тебе платили! — улыбка барракуды с клыками и блеском зеленых, демонических глаз.

Черный, загнутый коготь отчеканивает ритм по верхней губе, стимулируя мысли на план поглощения души. Ведь теперь меня ничего не останавливает. Даже бывший статус «друг». Съем, как только представится возможность.

— А Грейнджер? — поинтересовался Малфой, — как думаешь, она тоже за плату с тобой общалась или за что-то другое?

— Пофиг, — махнул рукой, — из бывшего окружения не трону только Луну, от нее исходит странный запах и тянется в неизвестность алая нить. Это напрягает, а еще, смотря на огонек ее жизни меня стопорит, словно на поглощении запрет стоит. Душа Джинни же вызовет рвоту, на нее даже облизываться противно.

Разговор о предателях и плате за дружбу закончили путь. Старосты ходили по купе и просили надеть мантии, подготовиться к выходу. Мы переоделись в форму, взяли рюкзаки и шли к выходу. Из гриффиндорцев меня так никто и не узнал, а Луна, с которой мы столкнулись взглядами, просто кивнула и улыбнулась, идя за Невиллом, держащим ее за руку. От поездки на каретах мы отказались, шли до школы пешком, гуляя и наслаждаясь вечерней прохладой. Все еще сонный Теодор шел рядом с Забини, используя его, как поводыря, держа руку на плече мулата. Панси шла за руку Драко, а я шел по другую руку от блондина, смотря на приближающийся Хогвартс.

— Восстановили, — шепнул одними лишь губами Драко, — надеюсь, как и квиддичное поле с мостами. Хотелось бы просто полетать, не играя при этом в квиддич, а в выходные гулять и наслаждаться видами, открывающимися с мостов на окрестности школы.

Мосты, парники профессора Стебль, квиддичное поле, сам замок, и даже сторожку Хагрида восстановили, лишь Дракучая ива канула в лето, оставив на своем месте лаз в Визжащую хижину. Мы приближались к главным воротам, встречая по пути студентов, смотрящих на слизеринцев, как на врагов народа. Но им плевать, они шли вперед, не обращая на слова внимания.

— Потти! — раздался сверху знакомый писклявый голос, принадлежавший поганцу Пивзу, — лови! — кричит полтергейст, кидая в меня бомбу-вонючку. Я ее перехватил, в черном племени уничтожил, а после хищно оскалился, смотря на Пивза демоническими глазами, видя в районе груди потерянный огонек жизни, не дающий полтергейсту покинуть замок.

— Приятного мне аппетита, — протянул руку к огоньку тлеющей души Пивза, притягивая его к себе, формируя в комок потусторонней энергии. Полтергейст потерял улыбку и желание издеваться, забиваясь в угол, под самый потолок, молил меня пощадить и оставить его, обещал служить верой и правдой, но я сказал, — ты и послужишь, Пивз, став моей едой!

Рванув огонек на себя, разорвал нити с Хогом, питавшие его сущность и связывающие обязательства наблюдателя. От лишения основы и разрыва связи со школой, полтергейст окончательно потерял человеческий облик, став серым огоньком, лежащим в моей ладони. Мне же осталось лишь этот огонек поглотить. Что я и сделал. Взял двумя пальцами с когтями и закинул в рот, глотая и улыбаясь. Тепло расходилось по моему желудку, наполняя каждую клеточку энергией. Пусть душа Пивза и не была подвержена греху, душа есть душа. Питательная и вкусная.

— А теперь пошли на школьный пир и распределение! — говорю я слизеринцам, смотревшим на меня с замиранием и интересом, ведь не каждый день на твоих глазах демон съедает полтергейста, как конфетку, которого не смог изгнать даже матерый некромант, что уж говорить о светлом Палладине.

— Незабываемое зрелище, Поттер! — говорит мне Нотт.

— Согласен с Тео, — присоединяется Блейз.

— Воистину! — с улыбкой говорит Панси.

— То ли еще будет! — предвкушает Драко, а я не отрицаю. Это первый съеденный мной

призрак, а в школе их навалом, не считая факультетских. Одна Миртл чего стоит, ее съесть хочется следующей, чтобы наконец-то избавить замок от этой ноющей и затапливающей этаж девчонки. За мыслями о призраке туалета со входом в Тайную Комнату пропустил момент, когда мы пришли к Большому залу и сели за столы Слизера. Вывел из мыслей вопль Джинни:

— Гарри Поттер! Немедленно вернись за свой стол! — топая ногой и упирая руки в бока, требовала эта мерзкая девчонка, одним лишь видом вызывающая во мне рвотный позыв. Во рту, поперек горла тут же встал горький комок, зачесался язык, а челюсти свело от жуткого ощущения сладости. К ней, видя, что я не собираюсь возвращаться ко львам, тут же присоединилась Гермиона, нравоучительным тоном говоря:

— Гарольд Джеймс Поттер! Ты — гриффиндорец, а не слизеринец! Мы твои друзья, а не они! — показывала она пальцем, при этом привлекая внимание всех студентов, как будущих, так и настоящих. Они смотрели на меня, ожидая послушания и поднятия с последующим присоединением ко львам. Но я как сидел на лавочке рядом с Драко и Панси, так и сижу и никуда вставать не собираюсь.

— Неа! — только и сказал, смотря на директора Макгонагалл, — причину я вам лично скажу, директор, после распределения, — она кивнула, соглашаясь с моим мнением и местом нахождения. К тому же это временное расположение, ведь с завтрашнего дня стол для дополнительного курса будет отдельным. А пока я показываю, чью сторону принимаю и окружение каких лиц предпочитаю.

— Ну, ты попал, Поттер! — говорит Миллисента, — они тебя сожрут, всем льявником растопчут! — предупреждает девушка, а я на это махнул рукой, говоря, что подавятся. Слизеринцы приняли мою сторону, поняли, что я для них не враг, а даже больше — друг. Особенно глядя на компанию из серебряной четверки, принявшую меня в свои ряды. А то, что brave гриффиндорцы попытаются мне мозг прочистить и на свою сторону вернуть — факт. Главное, они ничего не получают, только средний палец и послание в эротическое путешествие.

6 глава «Призрак и Палладин»

Безымянный

Как я и обещал директору Макгонагалл, после распределения и пира прошел к ней в кабинет, чтобы пояснить то, что произошло в Большом Зале между мной и бывшими друзьями. Отдал вещи Драко, с пожеланием сохранности, пошел по нужному коридору, при этом максимально пряча свою новую сущность, чтобы не вызвать панику портретов и шляпы сразу. Рано им еще в мой желудок отправляться. Да и учебный год только начался, время на то, чтобы проредить призраков и портреты у меня много.

Привычный кабинет директора, в котором я был частым гостем на последнем шестом курсе, не изменился, лишь страж более не требовал пароль из названия сладостей, просто цель визита и имя рода. Горгулья сложила крылья и пропустила меня в кабинет, где за столом уже сидела декан. Сдержанная улыбка, теплый взгляд и приглашение:

— Мистер Поттер, проходите! — показала мне на стоящее рядом кресло, не отказался и сел, — чаю? — отказался, тогда она спросила о произошедшем: — потрудитесь пояснить, что произошло между вами и вашими друзьями? — она не давила и не настаивала, в ее голосе слышалось беспокойство и толика интереса, присущая любому человеку. И как же было приятно смотреть на ее душу, не окутанную грехами. Она переливалась серо-белыми оттенками, с легкими всполохами серебристого, говорящего о ней, как о волшебнице с даром Трансфигурации.

— Если коротко, директор, то они меня и мою дружбу предали, — она ахнула, а я пояснил: — тогда, когда стали брать за дружбу со мной деньги. Насчет Рональда уверен, а за остальных не ручаюсь, — при этом голос мой наполнен обидой, горечью и тоской, всем видом показывал, как мне больно и обидно. На деле плевать, но для образа нужно, — и если бы не сменившаяся внешность после снятия проклятия и исполнения возложенной на меня миссии, так и не узнал бы.

— Проклятие? — просила уточнить директор.

— Как оказалось лорд в ту ночь, когда умерли родители, меня проклял, используя предсмертное желание и рассеянную энергию, поэтому я был задохником и полуслепым. Когда лорд умер окончательно, то спало и проклятие. Зрение вернулось, шрам пропал, а я стал таким, каким должен был быть все это время, здоровым, зрячим и не анатомическим пособием.

— А друзья?

— Мы с Малфоем и слизеринцами зарыли топор войны, — объяснял все директору для того, чтобы было как можно меньше вопросов, и меня быстрее отпустили.

По старой памяти, а так же из уважения к этой невероятно-сильной и стойкой женщине, должен все пояснить и обозначить свою позицию. Да и отдохнуть хочу. Хоть спать мне не нужно, но погулять по школе в тишине и одиночестве я не отказался бы, поэтому:

— Да и моя помощь в суде свела нас с Драко под одну крышу. А там и с его друзьями Теодором, Панси и Блейзом. На платформе меня пригласили в их купе, чтобы официально закрепить дружеский союз, но в купе ворвался Рональд. И вот тут я узнал истинную причину дружбы, а так же услышал много лестных слов в свой адрес. Что я шрамоголовый придурок и идиот, ищущий себе на задницу приключений и неприятностей, и что в этот раз вытаскивать меня из передраг он будет бесплатно.

— Это стоящий повод игнорировать мистера Уизли, а насчет остальных?

— Не знаю, — развел руки в стороны, — это в целях самосохранения, мало ли, — она не отрицала, спросив о комнате, к кому меня распределить. Для восьмого курса, как и говорилось ранее, была построена отдельная башня с комнатами и гостиной. В одной комнате по трое учеников. — Мне бы хотелось быть в одной комнате с Малфоем, к нему я привык, а кто третий Нотт, или Забини, на ваш выбор. Все равно.

— Сегодня вы будете спать в своих старых комнатах, а с завтрашнего дня вас распределят по комнатам и выдадут расписание уроков, — думал, на этом все, но нет, у директора был еще один вопрос: — мистер Поттер, у меня к вам, как к способному и талантливому юноше предложение, — я внимательно слушал, а она предлагала: — как вы смотрите на то, чтобы стать профессором ЗОТИ?

— Мне кажется, директор, я еще маловат для этой должности. Мне всего лишь восемнадцать, — на что директор улыбнулась и напомнила о пятом курсе, тайном кружке и успехах, которых достигли мои ученики. Я не отрицал тех уроков и достижений, было дело: — есть такое. Но я навоевался, директор, — кривая улыбка и слова: — мне хочется доучиться этот год и отправиться в путешествие, на поиски самого себя, — на деле просто подальше от Англии, всех мозолящих взгляд личностей, и конечно на поиски вкуснейшей души, которую я поглочу. Ну и естественно во имя Господина и тьмы Преисподней, дающей мне жизнь и силы.

— Выбор ваш, мистер Поттер. Но пост профессора ЗОТИ вам бы подошел, — печальная улыбка и пожелание: — спокойной ночи, я вас более не задерживаю.

— Всего хорошего, директор Макгонагалл, — покинул ее кабинет, направляясь в гостиную Слизерина, к Драко за своими вещами. Давно я не был в подземельях змеиного факультета, со второго курса, когда мы с Роном под обороткой выясняли истинную личность Наследника Слизерина. Не выяснили, зато получили массу неизгладимых впечатлений и эмоций, которые я сейчас даже не воспроизведу, но вспомню.

Но не суждено предаться воспоминаниям, за моей спиной ощущается движение потусторонней энергии, неуспокоенной души, к которой у меня, почему-то стоит запрет на поглощение. Странное чувство, как с Луной и ее душой. Стопорит и тормозит. Но не так, а словно я под обетом и нарушив его, поплачусь сущностью.

— Мистер Поттер! — зовет меня голос леди Елены, — уделите мне пять минут вашего времени?

— Конечно, леди Елена, — улыбка с клыками и взгляд демоническим зрением. Только кроме фигуры призрака я ничего не вижу. Нет того серого огонька души, как у Пивза, да и нитей связи с школой я не вижу.

— Вам не удастся увидеть мою душу, только оболочку, — улыбалась леди, поясняя, — и поглотить меня. У вас ведь есть ощущение запрета? — кивнул, — это старинный договор между вами, демонами, и нами ритуалистами. Мы не уничтожаем и не отправляем вас в ваши чертоги в принудительном порядке, а вы не поглощаете наши души и не заключаете с нами сделок.

— Как интересно, — стучу по губам черным когтем, выстраивая в голове порядок, создавшийся после общения с Луной, — если меня, как демона, видящего огонь души стопорит, то передо мной ритуалист, — рассуждал я вслух, а Елена не отрицала, — значит, Полумна тоже ритуалист? — леди Елена ответить не успела, послышался голос девушки, которую я узнал лишь по ощущениям и запаху шампуня для волос.

— Нет! — резко и холодно ответил она, вставая между мной и призраком, загоразживая Елену. В руке Полумны блеснула серебряная вспышка, и молниеносным движением к моей шее тут же был приставлен длинный, тонкий клинок с острой кромкой. Я почувствовал запах собственной крови. По плечу, спине и груди текут густые капли, мне больно, но плевать, я стою и не двигаюсь. Улыбка с клыками и сверкающий зеленью взгляд видит огонь ее души. Серебряные всполохи, обжигают глаза, клинок ранит.

— Больно! — улыбаюсь и касаюсь пальцами текущей по шее струйки крови, слизывая ее с кончиков когтей. Смотря на девушку авадовыми глазами с вертикальным зрачком, спрашиваю: — Кто ты, Полумна? Охотник?

— Паладин, — все еще держа в правой руке клинок, приставленный к моей шее, левой она расстегивает верхние пуговицы на рубашке. Отогнув ворот, показала тату серебряного дракона, расправившего крылья на плече, — я такая же, как и мой отец с матерью. Семейное призвание.

— Полумна, он мне вреда не причинит, — говорит призрак, опуская руку на ее плечо, — у моей семьи с его народом обоюдный договор. Мы с мистером Поттером общались на важную тему, о том самом деле, о котором я тебе говорила, — не о каком деле разговора не было, видимо, Полумна прервала нас как раз на этом самом месте, девушка, поверив призраку, убрала клинок от моей шеи.

— Что за дело, леди? — спросил я, испаряя пролитую кровь и прижигая рану черным огнем, проводя когтями по ране. Осталась темная корка, которая осыплется, оставив тонкий шрам, но и его не будет через какое-то время.

— Портрет директора Дамблдора, — сказала девушка, — с тех пор, как ты уничтожил лорда, он себя странно ведет, не так, как остальные портреты в школе. Иногда мне кажется, что это не портрет, а пространственное зеркало, в которое он заключен.

— А я при чем? Что вы от меня хотели, леди Елена? — я тут совершенно не при чем, не мое дело. Смертные и их жизнь меня не волнует, только в гастрономическом и физиологическом плане.

— Пообщаться с директором и выяснить, портрет это, или что-то другое. У вас богатый опыт в темных артефактах и запрещенных ритуалах, — намекала она на лорда Волан-де-Морта и его осколки души, за которыми мы гонялись по всей Англии прошлый год с гриффиндорцами и позапрошлый с директором.

— Вы хотите сказать, что директор создал крестраж и поместил большую часть своей души в картину? — леди и Полумна были в этом уверены, но нужен взгляд знающего, то есть меня. — И где находится портрет Дамблдора? В кабинете директора рама пуста.

— Вообще портретов два, один в коридоре Гриффиндора, второй в министерстве на стене почета. И какой из них несет часть души, а какой лишь отпечаток мне так и не удалось выяснить, — говорит Луна, — он выглядит, как обычный портрет: — спит, говорит, перемещается между картинами других директоров и исторических личностей, но ведет себя иначе, словно у него нет ограничений.

— Значит, нужно навестить коридор Гриффиндора, а потом и к министру на чай заглянуть. Но это в следующие выходные, первым проверим портрет в коридоре, — а сам предвкушал трапезу. Если призрак Когтеврана и Луна окажутся правыми, и директор действительно создал крестраж, поместив осколок души на холст, то съесть ее я буду обязан. — Я с вами прощаюсь, леди, — отошел назад, в тень, растворяясь в ней, оказываясь в комнате. Драко, который, опираясь спиной на подушки, сидел на кровати с книгой в руках.

Увидев на моих губах улыбку и задор в глазах, спросил:

— Ты чего какой довольный? Съел кого-то еще? — спросил слизеринец, все еще не отрывая взгляд от книги.

— Нет, но съем, — и даже облизнулся в такт своим мыслям, — директора Дамблдора и его лицемерную душу, — Драко не понял, резко закрыл и отложил книгу, прося пояснить, что я имею ввиду под душой бывшего директора. На что я улыбнулся так широко, что его даже слегка передернуло. — Чтобы понять глубину моего гастрономического экстаза, сядь поудобнее и слушай...

7 глава «План на душу»

Пока что Гарри

Утром второго сентября, под злые и уничтожающие взгляды бывших друзей и вернувшихся в строй гриффиндорцев, в компании Драко, Панси, Тео и Блейза я прошел за общий стол объединенного факультета. На все возгласы и требования присоединиться к их компании, я показал маггловский жест, которым не брезговали пользоваться даже аристократы, не принимающие магглокровок и полукровок. А выражения: «Вертеть всех на хую!» «Завалить ебало!», было излюбленным выражениями Флинта по отношению к Вуду и всей нашей алой команде по квиддичу. Так что никого не удивило, когда на требования Рональда в сторону Малфоя:

— Верните героя, гадкие слизни!

— Завали ебало, Уизли! — резко осадил его Драко, вводя всех наблюдающих в шок. — Воняешь! — и даже около носа махнул рукой, скривив лицо и показательно свернувшись. А Рончик от такого тут же вспыхнул алым и заиграл на кончике моего языка остринкой перчика Чили. Тут же облизнул краешком языка губы, сглатывая слюну удовольствия. И не успел отойти от гнева Рона, как к нему присоединилась Гермiona, опалая мои рецепторы еще и манящими запахами редких, ресторанных деликатесов, а с ними, резко перебивая аппетит, появилась и Джинни, фонящая Похотью и блудом. Не стал больше прислушиваться к аромату грехов и присоединился к посланию Малфоя, но более корректно и без мата:

— Нам с вами, дорогие гриффиндорцы, больше не по пути, — на словах «дорогие гриффиндорцы» сделал определенный акцент, показывающий мое реальное к ним отношение, завуалированное под уважительное.

— Предательская шкура! — рыкнул на меня Невилл, загораясь двумя цветами, переливающимися между собой ало-пурпурных всполохов, играя на кончике моего языка остротой карри, сочетанием острого и изысканного. Сдерживать себя, свой голод, терзающий недра бездонного желудка, крайне сложно, особенно когда перед тобой шведский стол. Но я сдерживаю порыв и просто шлю лесом, снова показывая тот самый жест — средний палец.

Под оглушающий гул студентов и полный шока и непонимания взгляд профессоров, за исключением директора, так как она в курсе официальной причины смены моего ближнего круга, мы со слизеринцами, повернувшись спинами к гриффиндорцам, ведь бывших гриффиндорцев не бывает, пошли к Теодору, Панси и Забини, не смотря за теми, кто задумал гадость. А именно удар в спину.

— Сука! Посмотри на меня, Поттер! — кричит Рональд, окликая, выпуская в меня боевое, мощное для смертных заклятье, метя в грудь. Но мне не составило труда уйти от выпада и отклониться от траектории летящего магического потока. А туда, куда он прилетел — не волновало.

В данный момент мне хотелось одного — утащить Рональда в подземелье, бывшее когда-то лабиринтом с зеркалом Еиналеж, хранящего философский камень от Темного Лорда. И там, вдали ото всех, с силой сжать руку с выпущенными когтями на глотке рыжего мальчишки и, смотря на его опутанную и поработленную Ленью и Чревоугодием душу, отделять ее нить за нитью от сосуда, сжимая руку все сильнее и сильнее, слышать хрип и сип, лицезреть капающую с синеющих уголков рта слюну.

Видеть, как закатываются его глаза, иссыхают от недостатка кислорода легкие, чувствовать слабеющие на моих руках пальцы, требующие отпустить и прекратить, а так же замолкающее окончательно сердце. И самым пиком наслаждения станет сжатый в моих пальцах шарик души, окутанный сине-серой дымкой. Я уже видел этот момент, как ко мне от стола Рейвенкло подошла сияющая серебром, обжигающая демонический взгляд фигура Луны, говорившая шепотом, лишь для меня:

— Чтобы ты не задумал, нет! — требовала она, пристально смотря туманным взором, готовая в любой момент призвать свой серебряный клинок и снести мою рогатую голову на глазах у всей школы. А я, широко улыбнувшись, поклонившись и взяв ее руку в свою ладонь, продолжая играть в друзей, отвечаю:

— Да, — легкий поцелуй к тыльной стороне, и слова: — но не сейчас. Душа этого предателя крови, хочешь ты или нет, окажется в моих руках, — улыбка и зелень изумрудных глаз с вертикальным зрачком опалются душой Палладина, несущего смерть мне подобным. Она забрала руку из моего захвата и улыбнувшись как и прежде, по-дружески, махнула на прощание рукой, сказав:

— Я тебе не позволю, демон, поглотить души живых! — хотел ей вслед рассмеяться, но не стал. Вместо этого я присоединился к друзьям блондина, приступая к трапезе, которая не могла принести мне ничего полезного. А Рональд и все гриффиндорцы, недовольные моим поведением и новым кругом общения, были остужены словами директора МакГонагалл:

— Мистер Уизли, мистер Лонгботтом, мисс Уизли, мисс Грейнджер! Минус тридцать баллов с каждого из вас лично и две недели отработок у профессора Стебль за применение магии вне учебного помещения. Заканчиваем завтрак и на уроки! — оглушил ее голос с помощью «Соноруса» Большой Зал.

И на этом завтрак закончился. Расписание, полученное с помощью домовиков, а так же ключи от комнат общей башни для восьмого курса мы с бывшими слизеринцами убрали в сумки и пошли на первую пару уроков у профессора Флитвика, сдвоенную с седьмым курсом Рейвенкло. Профессор всех в своей манере поприветствовал, особенно тех, кто вернулся в школу на общий курс, забыв прошлые распри и обиды. А темой стали:

— Патронусы! Тема на сегодня — это Патронусы!

Вот чего не ожидал на седьмом-восьмом курсе, так это тему Патронусов. Со сменой сущности мои способности в использовании этих Чар не пропали, но вот форма оленя сменилась. Вопрос был в том, на какую именно форму. И мне это предстояло узнать, так как добровольцем, пусть и принудительным, стал по просьбе профессора именно я.

— Мистер Поттер! Помнится мне вы владели этими Чарами. Продемонстрируете? — ε я не отказался, вышел к профессору, попутно изучая его душу. И она, как и души слизеринского квартета, ничего для меня съедобного не несла. Даже налета греха на ней не было. Приятно находиться рядом, как и в компании Драко со товарищами.

— Профессор, я давно не пользовался этими Чарами, да и многое с тех пор прошло. Не уверен, что получится с первого раза, или что мой Патронус останется прежним. — На что профессор успокоил, сказав:

— Мистер Поттер, смена Патронуса всего лишь покажет то, что вы изменились и выросли, ведь то, что вам и нам пришлось пережить в тот год не прошло бесследно. Так что не стоит переживать по этому поводу. Каким бы не оказался ваш Патронус, мы его примем.

— Ну, ладно, — пожал плечами, извлекая палочку из перевязи на левом предплечье, взмахивая и произнося формулу: — Экспекто Патронум! — а из палочки вырывается

трехголовый цербер, размером с того самого милого Пушка, сторожащего люк в подземный лабиринт на первом курсе. Но если цербер Хагрида имел вид ротвейлера, мой цербер — это трехголовый доберман с узкими мордами, острыми, торчащими вверх ушами и длинным, не купированным хвостом. В отличие от прежнего Патронуса, всполохи энергии этого были на несколько тонов темнее, глубже и гуще, почти синие, как пламя самого Люцифера.

— Мама! — завопил Рончик. Он вжимался в Гермиону, смотря на Невилла, ища у него защиты. Я же смотрел на цербера, склонившего передо мной свои головы, ждущего приказ. Не отказал ему и произнес формулу, прикрепленную словами: — Приватос! — сказал шепотом, назвав имя тому, кому отправлял послание с приветом: — крестному, — так как имя он мне свое демоническое не назвал, а как Сириус Блэк умер давно, поэтому именно так. Крестным он мне быть не перестал. — Привет. Как дела? Как брат? — имел в виду Регулуса, к которому Сириус отправился после того, как спихнул обязанности рода Блэк на Драко.

— Гав-гав-гав! — троекратно огласил громогласным гавом услышанный приказ цербер, при этом широко раскрывая пасть, уходя на поиски крестного через стену кабинета Чар. Неторопливо, стуча когтями по паркету, капая себе под ноги энергетической слюной и размахивая длинным, тонким хвостом.

Проводив посланника и задумавшись на тему, а не завести ли мне такого же, но настоящего, вернулся за стол к Драко, который смотрел ошарашенным взглядом, как и все ученики. Профессор поблагодарил за демонстрацию высших Чар, при этом он все еще с опаской на меня поглядывает, вздрагивая от каждого моего движения. Думал, суть появилась, а я не заметил, или истинная магическая аура шелохнулась и проявилась, но нет. Все надежно, до лучших для меня времен спрятано. Тогда спросил:

— Что не так?

— Цербер! У вас цербер, мистер Поттер! — и я снова стал причиной шёпотов и пересудов, как на втором курсе, когда выяснилось, что я владею парселтангом. Шепотом спросив Драко, что такого в том, что моим Патронус является цербер, получил ответ:

— Цербер в Патронусах — это старинная легенда, переписанная в сказку, как и о Дарах Смерти. Говорят, у кого такой Патронус, тот имеет привилегии от самой Хель. Таких волшебников называют Посланниками Смерти или Палачами, если проще. И ходить тебе теперь кошмаром Хога до окончания восьмого курса, — хлопает по моему плечу Драко, сверкая улыбкой, клыки которого вижу лишь я и сидящие рядом Панс, Тео и Блейз. Усмехнувшись и откинувшись на спинку стула, ответил:

— Если так и будет, то приму титул Палача с превеликим удовольствием. К тому же, один казненный уже имеется, — говорил я о лорде, записывая то, что рассказывал профессор, отойдя от шока увиденного Патронуса, говорящего обо мне, как о перспективном Палаче Смерти.

Следующий урок прошел без моего в нем участия, так как на перерыве рядом со мной материализовался домовик, и, дергая за рукав, дрожа всем телом и душой, боясь даже имя произнести, запинаясь говорил:

— Г-г-г-господ-д-д-дин, вас ждд-д-дет дирр-р-ректр-р-р, — я думал, что меня вызывает МакГонагалл, но нет.

Меня к портрету в коридор Гриффиндора приглашает Дамблдор на аудиенцию с благодарностями и очередными наставлениями, которые, судя по всему, будут из-за того, что я отвернулся от факультета и Рона с Гермионой, бывшими мне в прошлом друзьями. То,

что они на меня нажаловались, рассказав о том, что я их бросил и ушел к слизеринцам, не сомневался.

Как и не возражал против визита вежливости к портрету Дамблора для очередного пустого разговора, с минимум информации и кучей поручений. Для того, чтобы проверить портрет и отпечаток души директора на наличие использования черной магии крестражей, нужно время. А оно как раз будет, ведь Альбус говорить мало и коротко не умеет.

— Веди! — сказал домовику, передавая через Луну послание для профессора и Драко. Сам же шел в коридор Гриффиндора на приватный разговор.

Демон

На разговор с портретом директора меня пригласили в коридор Гриффиндора. Домовик, пока мы шли к рамке с нарисованным Дамблдором, дрожал, вздрагивая и трясясь от каждого моего движения, а я лишь улыбался и шел за ним к тому, кого считал наставником и учителем. Так ли это было на самом деле? Или же я был всего лишь пешкой в игре с Томом? Свиньей на убой? Узнаю, когда придет время трапезы, ведь перед смертью, окончательной и бесповоротной, каются все, даже Великие и Могучие.

Но сначала мне нужно убедиться в подозрениях леди Елены о том, что картина с изображением директора — это крестраж. А так же быть уверенным в том, что он один, если картина все-таки хранилище куска души. Сделать это несложно, особенно со способностью в распознавании душ и отпечатков.

— Г-г-г-господ-д-д-дин, пр-р-р-рошу, — показал мне домовик на коридор и висящую на стене рамку. Небольшая, всего 420x590 сантиметров. Скромно, что странно, так как директор привык жить на широкую ногу, со вкусом и шиком. Одни его мантии, расшитые золотыми и серебряными нитями чего стоят. А тут картина всего ничего. Как бы сказали смертные — странно и подозрительно.

— Директор, приветствую! — подошел я к рамке. На меня смотрел все тот же добродушный и открыто-улыбающийся старик, в глазах которого плескалась вековая усталость. Да только усталость, как и радушие, пропитано фальшью, бьющей мне по рецепторам своим смрадным амбре, словно на меня разом открылись три пасти Пушка.

— Гарри, мальчик мой! Как я рад тебя видеть! — приветливо улыбался мне этот старикашка. Улыбнулся ему в ответ, одновременно приоткрывая печать, выпуская флер сущности.

Касаясь энергетической составляющей картины, ощущаю эманации души, исходящие от портрета, не подходящие под критерии отпечатков, сохраненных для разумных картин. У нарисованного Альбуса отсутствует тусклый и померкший узор магических способностей. Он по-прежнему четок и насыщен красками и энергией, как и при жизни. А это значит, что леди Елена была верна в своих предположениях. Картина — это крестраж, который нужно уничтожить, точнее съесть. Мне.

— Вы звали меня, директор? Что-то случилось? — играю роль недоумения, возникшего из-за просьбы о встрече в учебное время.

— Да, мальчик мой! — от этого словосочетания меня чуть не вывернуло наизнанку. Ощущения после этих слов сродни Похоти Джинни, пропитавшей ее насквозь. Приторно. — У меня к тебе, Гарри, серьезный разговор, — начал вещать с серьезным лицом и миной этот индивид, — дело в том, что у Тома мог остаться еще один крестраж, нами не учтенный.

— Тома больше нет, директор. Все крестражи мы с Роном и Гермией уничтожили. Чашу, Диадему, Медальон, кольцо уничтожили вы, тетрадь я на втором курсе, Невилл снес мечом Гриффиндора голову Нагайне, а лорд уничтожил последний осколок, находящийся во мне, своими же руками, — на мои слова Альбус лишь улыбнулся, сказав:

— Все так, мальчик мой! Но Темный лорд коварен и хитер. Он мог придумать путь отступления. Возможно, тот с кем ты сражался был големом, или же после смерти оставшийся дух не ушел за грань к Хель, а за что-то зацепился, — добавляя, — или за кого-

то.

Я понимал к чему весь этот разговор. Под предлогом поиска осколка Реддловской души он хочет поручить мне очередную миссию, но в этот раз с моим окончательным концом. Что же, раз желание директора окончательно меня убить так велико, подыграем.

— Что мне нужно сделать? Что найти? — улыбка старикашки и те же самые слова: «- Я и не сомневался в тебе, мальчик мой», стали точкой отсчета новой миссии во славу Света.

А пока меня отпустили на уроки с просьбой не отталкивать друзей, с которыми мы прошли через тяготы, невзгоды и испытания, променяв их на слизеринцев, пропитанных тьмой, ложью и фальшью. Попрошавшись с портретом директора, вернувшись к Драко и компании, узнал радостную новость:

— Защиту от Темных Искусств в этом году будет вести заслуженный и награжденный орденом Мерлина волшебник, прошедший все битвы и войны против Темного Лорда. Аврор Демьен Каро, прошу любить и жаловать! — директор представила нам нового профессора Защиты, который опоздал на распределение и приветствие по семейным обстоятельствам, но взял слово на обеде, сказав:

— Говорю раз и больше не повторю! — голос аврора, как эхо в пещере, бьет по ушам, а вот душа... — учитесь, выполняете все мои наставления — получаете оценки и баллы, нет — мой предмет не посещаете. На заслуги и награды не смотрю, лишь на боевой потенциал и знания. Всем ясно? — шок и тишина, вот чего добился аврор своим выступлением.

— Эй, — толкнула меня в бок Панс, — ты чего залип? На душу аврора смотришь? — а там было на что посмотреть. Ведь душа этого аврора, так же опасна и смертоносна, как и душа Луны. Его огонек жизни пышет ослепительным и болезненным серебряным светом, приносящим моим глазам боль.

— Он — Паладин! — восторженно сказал, понимая, что у меня в стенах этой школы появился воистину опасный противник. Понимали это и Драко с Теодором и Панси. Ведь Паладины охотятся и на их виды. Так что год предстоит опасный, с ускользанием от летального исхода. Но меня это не волновало, скрываться, не светить способностями и сущностью не составит труда. А Драко, Панс и Теодор по меркам разумных темных существ вреда окружающим не наносят, крови невинных на их руках нет, так что Паладина они не интересуют.

На урок у профессора Каро, после обеденного перерыва, весь восьмой курс шел с предвкушением, что же будет. И аврор никого не разочаровал, за исключением меня, но я не считаюсь. Материал и тему, которую профессор Каро решил поднять, касалась непосредственно моего вида — демонического. Но за каким-то драклом приплел еще Банши и личей, хотя ни те, ни другие демонами, даже низшими, не являются, а относятся к классу высшей, разумной нежити.

— Мистер Поттер! — слышу голос аврора, направленного в мою сторону. Приподнимаюсь с локтя, на котором лежал и слушал лекцию, интересуясь причиной, по которой ко мне обращаются. Профессор ответил: — То, что вы уничтожили Темного Лорда и являетесь Героем магической Британии, не значит, что вы можете сидеть на моих уроках просто так.

— Я и не сижу, а слушаю.

— Сможете повторить все то, что я сейчас сказал? — приглашая меня на его место. Но я как сидел, так и сижу, отвечая оттуда, где нахожусь, повторяя слово в слово все то, что и он

пять минут назад. Пересказывал классификации демонов, их иерархию и титулы перед Повелителем. С некоторыми поправками, а конкретнее:

— Только банши и личи не принадлежат к классу демонов. Они полноправные создания тьмы, относящиеся к нежити. В отличие от созданий Люцифера у них есть душа, — ответ принес мне сто баллов, но аврора эти слова не устроили, так как кривая улыбка, с которой он сказал: «- Все верно, мистер Поттер!», выражала что угодно, но не согласие.

— Но все равно, — решила вставить свои пять кнатов Грейнджер, — банши, личи и даже оборотни подлежат уничтожению. Они так же опасны, как и демоны! — вздернула нос гриффиндорка, и под полный обожания и восхищения взгляд Лаванды Браун, посмотрела на меня, говоря: — а есть у них душа или нет, уже не важно. Они — темные твари и подлежат уничтожению, — по кабинету прошелся довольный гул восьмого курса, всех, кроме бывших слизеринцев, смотревших на Гермиону, как на шкаф, который скоро громко упадет.

Вот она Гордыня во всей ее красе, а так же с ярким вкусом, играющем на кончике моего демонического языка. Так и тянет склониться над Гермионой, сжимая с силой плечо, отводя шею набок, а волосы назад, открывая вид на изгиб и бьющуюся жилку, отчеканивающую стук сердца. Смаковать каждый миллиметр кожи, пропахший Гордостью и самодовольством, вдыхая этот манящий запах себялюбия.

— Эй, — снова ощутимый толчок Панси под ребра и я в реале, а не в мыслях о утолении голода и вкусе гриффиндорской души. Урок уже закончился, и я на автомате шел за Драко и компанией, оказываясь на предмете директора. Это последний урок, а после дополнительные факультативы, на которые я сперва не записался, но все же пришлось, так как это обязательно.

Выбрал я те же предметы, что и Драко с Панси — Зельеварение с Рунами. Руны для меня не проблема, а вот зелья... Но так как преподает его не Снейп, а Слизнорт, было плевать, что к этому предмету у меня таланта как не было, так и нет. Горацию не важны способности, лишь личность, посещающая его предмет. Он жадный до внимания. Вот поэтому я и пришел, убедиться в том, что ощутил на пире во время распределения.

Делать его частью своего меню или нет, решу на уроке. Буду приниматься и приглядываться к душе Горация, играя на кончике языка вкусовыми ощущениями Жадности. И пока я прислушивался к исходящим от зельевара эманациям греха, к нам присоединилась часть льявтника. Гермиона притащила с собой за каким-то драклом Рона, который еще до начала урока выл и страдал, распуская флюиды лени.

Вкус тоски, исходящий от Уизли, сопровождал меня весь урок. Даже отошел на второй план грех профессора Слизнорта, топящий его душу Алчностью, играющий на моих рецепторах кислоткой цитруса. Ярko ощущая вкусы души Рона и Гермионы, их грехи, терялся в выборе, с кого же мне начать процесс поглощения. Какой из грехов я предпочел бы вкусить, а каким поделиться с Повелителем?

На помощь моей гастрономической дилемме пришла Панси, которая так же внимательно, как и я наблюдала за гриффиндорцами на уроках, а после в библиотеке. Девушка, видящая окутанные и пропитанные грехами души моих бывших друзей, предложила сыграть на гордости Гермионы и Чревоугодии Рона, воспользоваться их слабостями.

— Как это сделать, Панс? — задает вопрос Блейз, смотря в сторону алого стола, за которым собрались сливки гриффиндорских героев и их приближенных.

— Легко! — щелкнула пальцами Панси, — Грейнджер подкинуть интересную книгу о

ритуалах и призывах, приправленную легкими чарами в тот момент, когда ее самодовольство польется через край. С Роном и его грехом еще проще. Заманить рыжего в самые недра Чревоугодия, подтолкнуть к Неутолимому Обжорству.

— Ты хочешь проклясть Уизли «Бездонным желудком»? — смотрит на Панси Драко с восхищением, распуская шлейф нежности в сторону девушки, ощущаясь как свежеиспеченная сдоба со вкусом ванили, — ты коварная женщина, Персефона! — Панси фыркает, заправляя черную прядь за ухо, демонстрируя несколько металлических колечек, украшающих хрящик.

Слова Драко ее смутили, чувства, томящиеся в сердце банши, отозвались на чувства Драко. И этот легкий привкус ванили, не резкий и приторный, как от Джинни, а едва заметный, означающий обоюдные теплые чувства, повис в воздухе. Тишину нарушил вопрос Теодора:

— С Грейнджер понятно, книга по призыву потусторонних существ, приправленная легкими Чарами, и она в нашем распоряжении. Сыграть на ее Гордыне, уверенности в том, что все заклатья ей по плечу и по силам, не проблема. А вот Рональд? Проклятие легко распознать, особенно опытному аврору со статусом Паладин, — напомнил ей Нотт о вездесущем профессоре Каро.

— «Тяга Бездонного желудка» есть и в жидкой форме, — сказала девушка, обращая свой карий взор на одного конкретного слизеринца, специализирующегося на варке зелий. — Ведь так, Драко?

— Да. Есть такая формула, но она сложна. Нужны особые ингредиенты, а так же три месяца, чтобы зелье сварить, и еще месяц, чтобы оно настоялось до нужного эффекта. — Говорит блондин, напоминая тоном и выражением лица покойного профессора Снейпа. Все же он был не только его учителем, но и крестным. Не удивительно, черты характера близких людей часто находят место в нас самих.

— Значит, заказывай все необходимое и вари зелье для Уизли с его ненасытным желудком, — говорит Панси, резко поднимаясь со стула, уходя к стеллажам с книгами, — а я возьму на себя Грейнджер.

Никто из нас с Панс не спорил, а я же предвкушал ощущение живой души, переполненной грехом в своих руках, этот наполненный изысками и деликатесами привкус, играющий на кончике языка нотками фуа-гра или картофельный гратен. Но эту душу я отдам в руки Повелителя, как плату за полное пробуждение и ритуал наречения. Имя, в ближайшее время у меня появится демоническое имя. А зная Гермиону и ее тягу к новому и сложному, ждать призыва осталось недолго. И я подожду.

9 глава «Проданная демону душа»

Отступление

Взгляды, эти взгляды, наполненные насмешкой, недоверием и презрением. Бесили Гермиону больше всего. Девушка не понимала, почему так, ведь она уже доказала ученикам школы Хогвартс, профессорам, аврорам и всей магической Британии, что она не простая магглокровка, а героиня, сражавшаяся за Свет наравне с Поттером, у которого было все с самого начала: имя, слава, статус, титул, приближенные с чинами и званиями (это она считала). Ее съедало и топило в Бездне этого непонимания, а так же отношения. Как и прежде Гермиона Грейнджер была простой магглорожденной, без дара рода и магических предков за спиной. Никто и звать ее никак. Пустое место!

— Нет! Я — героиня! — убеждала себя она, — не пустое место! И я заставлю вас меня уважать!

Говорила она четко, уверенно шагая к стеллажу с книгами по ритуальной магии. Туда, вот уже третий день манит и тянет, и девушке кажется, что она даже слышит шепот одного из старинных фолиантов. И как только кончики пальцев касаются жесткого переплета, голос и зов стихают, а книга сама собой открывается на страницах ритуала призыва демона.

— Ритуал призыва подчинит дитя Преисподней! Чтобы получить свободу от оков призвавшего, житель потустороннего мира исполнит желание пленившего его мага, — читала вслух строки, четко генерируя в голове мысль и план действий.

Ничего сложного девушка в этом ритуале не видела, как и запретного. Ей он по силам. Нужно лишь начертить ритуальный круг, произнести формулу на латыни, капнуть кровью в центр рунных надписей и готово. Осталось найти нужное место. Но терпение девушки подходило к концу, и она решилась на призыв прямо в библиотеке, не покидая стеллажи с ритуальными книгами. И места хватит, и книгу выносить из библиотеки нет необходимости.

— Живущий во мраке,
Души вкушающий,
Откликнись на зов,
Тебя призывающий!

И на последнем слове, капнув три капли крови, тусклый свет настольных ламп задрожал, издавая противный треск. А как только лампы и вовсе погасли, девушка услышала жуткий, тягучий, пробирающий до мурашек смех. Ее окутало холодом страха, дыханием самой бездны, как будто ощущения в Черном Озере и в поместье Малфоев, в руках безумной Беллатрикс соединились и умножились на сто.

Но тут резко вернулся свет, а перед глазами, в том самом круге сидел демон. Представитель подземного мира был красив. Длинные в мелкое колечко черные, как смоль волосы, спускающиеся по груди и спине водопадом касались пола, темно-серый жилет подчеркивал натренированное тело, широкий разворот плеч и мышцы рук. И если бы не тонкие, острые рога, слишком яркие зеленые глаза с вытянутым зрачком, длинные черные когти на пальцах, нетопыриные крылья за спиной и лежащий на полу хвост с острым кончиком на конце, приняла бы демона за человека. Но он не человек, а тварь, которая послужит личному благу.

— Ты звала меня, Гермиона Грейнджер, и вот, я пришёл! — Сказал демон, показывая на рунный барьер, в котором был заключен. Скрестив ноги в позу медитации, а руки на груди,

он смотрел прямо на нее, на ее душу, охваченную гордыней. — Что прикажешь, о призвавшая? — девушке показалось, что в голосе демона был сарказм и насмешка. Но, не обращая на это внимания, она сказала, все так же, вздернув носик, откинув непослушную прядь назад:

— Приказываю! В обмен на твою свободу, хочу уважения и признания всего магического мира! Чтобы меня признавали равной себе аристократы, не считали мусором и грязнокровкой. — Каждое слово, произносимое девушкой, демон слышал, соглашался и даже записывал. В контракт, который по истечению приказной речи будет между ними заключен. — И даже выше, уважали меня, считались со мной!

— Все? — уточнил демон, полируя черный коготь другим, сдувая пыль прямо в лицо девушке. Та ошарашенно кивнула, а демон поднялся с ног, махнув кисточкой хвоста, говоря: — тогда читай контракт и плати, — протянул ей свиток, на котором было обязательство демона перед вызвавшей, а так же прописано каждое слово желания призвавшего, взамен...

— ...на душу? — удивлена девушка, еще раз внимательнее читая уже заключенный между ней и демоном договор, возмущаясь: — Как это на душу? Но в ритуале же сказано... — и стала листать книгу, которой воспользовалась, чтобы призвать потустороннее существо. Но и слова не нашла о договоре. — Здесь и слова нет о договоре... — и замерла на полуслове, так как демон покинул круг, — ты не имеешь права, — но один лишь простенький жест, приложенный палец к губам, заставил девушку замолчать, забыв как говорить.

Демон же тем временем уничтожил ритуальную печать, забрал из рук девушки книгу, возвращая ее не место. И подходя к ней плавной, грациозной походкой хищника, сверкая зеленью глаз, резко склонился. Нависая над плечом, демон вдыхал сладкий запах грешной души, предстающей перед ним кусочком говяжьей вырезки, со стекающим клюквенным сиропом, переливающимся бликами на свету. Дитя Сатаны опалил жаром щеку, шею девушки, заставляя издать произвольный стон удовольствия, когда прикоснулся и медленно провел влажным, холодным кончиком языка по кромке уха. Она могла поклясться, что слышала в тот момент утробное рычание. А затем последовали слова из грязных уст:

— Глупая, какая же ты глупая, Гермiona, — звучал такой знакомый голос, — возомнила себя Ритуалистом, способным призвать демона и заставить его исполнить желание. А по сути, ты простая, непримечательная магглокровка. Ничего в тебе особенного нет, — лился в горящее от дыхания демона ухо шепот.

Губы, произносящие эти горячие слова, шевелясь, касались раковины и щеки, обдавая волной жара. Девушка не хотела признавать, что слова демона на самом деле правда, что в ней ничего нет. Поэтому сопротивлялась и отрицательно качала головой, ведь сказать ничего против у нее не получалось. Демон, отстранившись, позволил ей говорить, и она сказала:

— У меня есть магия! — все так же с гордыней и самолюбием сказала она. Но демон лишь усмехнулся, сказав:

— Не ты, владея магией, считаешься великой, — с какой-то знакомой интонацией была произнесена эта фраза, но Гермiona не могла понять, откуда она помнит это выражение, как и его продолжение, — ... а Магия владея тобой, — усмешка, знакомые движения руки, откидывающей упавшие на лицо волосы и осознание, в которое она не хотела верить и принимать:

— Гарри, — сердце стукнуло, в ушах запульсировала гонимая ударами кровь, а

оскверненная грехом душа дрогнула, делая шаг назад, желая сбежать от владелицы. Девушка сжалась от страха в комок, хаотично соображая, что она может предпринять, чтобы ей дали отсрочку, или шанс на разрыв контракта. Но:

— Нет, Гермiona. Пути назад нет. В тот самый момент, когда ты капнула в ритуальный круг свою кровь и призвала меня, отдав приказ, права на твою душу перешли ко мне, — развернул контракт, указывая на подпись девушки своим когтем, и на его подпись, как подтвердившего и закрепившего договор, ответив на зов.

— Но, моя душа, я же... — ошупывала себя девушка, прислушивалась к ощущениям, магии и не могла понять, как это. Она по-прежнему может испытывать чувства, эмоции, тогда как продавшие душу — нет.

— Это ложное ощущение, как фантомные боли при ампутации частей тела. Мозг еще помнит, какого это, посылает тебе сигналы. Но скоро пройдет, — словно успокаивая, говорит Поттер, в очередной раз склоняясь над девушкой. — Ты, твоя магия, тело, сущность, все отныне и впредь принадлежит мне! — лицо Гермiony оказывается в цепких пальцах демона, который с силой нажимая на нежную кожу, причиняет боль черными когтями, пуская кровь, смакуя запах, исходящий от подвластной ему девушки.

— Ты! — хотела возмутиться волшебница, но не смогла, Поттер (а Поттер ли?) оскалился, и приложил к ее губам палец, заставляя замолчать, и она замолчала, лишь с ненавистью смотря на демона, бывшего ей когда-то другом, а может и заказом, она так и не поняла. И более не поймет.

— Спать иди! — приказал ей демон холодным тоном, становясь человеком, таким, каким она привыкла его видеть. Девушка хотела сказать, что она всем расскажет о его истинной сущности, особенно аврору Каро, но не могла произнести и слова на эту тему. Тот самый холодный смех, заставивший ее забиться в страхе, ощущать стекающий по спине липкий пот, снова нарушил тишину библиотеки, — не пытайся. Ты — моя, целиком и полностью. Запрет на раскрытие личности само собой разумеющееся, — снова жуткий, пробирающий льдом до костей смех и стелящийся под ногами серо-зеленый туман, выпущенный демоном, переносящий его туда, где такой твари самое место — в Преисподнюю.

В Преисподней

— Что же ты мне принес, пока еще Безымянный? — смотрит Владыка подземного мира на юного, зеленоглазого демона, скалящегося во все клыки. Демон, припав на одно колено, склонив голову, раскрыл руку ладонью вверх, протянув первый дар Повелителю, вызывая такую же клыкастую улыбку и слова с утробным урчанием удовольствия: — Гордыня! Мой любимый грех! — длинный, раздвоенный язык падшего Архангела коснулся кончика носа, смакуя вкус души, охваченный его личным грехом. Когтями Владыки аккуратно взял преподнесенный дар, — Да, тщеславие так и зашкаливает! — шарик, окутанный пурпурным свечением, в мгновение ока утонул в недрах желудка Князя Тьмы.

— Имя, Владыка, — напомнил демон Повелителю.

— Встань! — приказ и повиновение, — нарекаю тебя... — но не успел Люцифер и слова сказать, как в Преисподнюю, словно буря в штиль, ворвалась разгневанная богиня Смерти, она же Хель, с требованием:

— Стоять!

— Явилась не запылилась! Чего приперлась, Хель? — но Смерть ему не ответила, она

смотрела на того, кто был чертовски на нее похож. Те же черные волосы, зеленые глаза, черты лица. Тот, кого она потеряла, но еще не безвозвратно. Пока Сатана не дал ему имя, как демону, не все потеряно. И у нее есть шанс вернуть мальчика к истокам.

— Мальчик, отринь навязанную Сатаной суть! Стань снова живым! Верни утраченное! — смотрела она в черную пустоту, туда, где прежде была живая душа ее потомка. Это было тогда, сейчас же там горит огонь Преисподней, дарованный Лучезарным.

— Не хочу! — махнул в такт словам хвостом, ведя плечом, раскрывая одно из кожистых крыльев, — меня все устраивает, — улыбка вышла клыкастой. Смерть, все еще смотря на горящий в груди мальчика огонь падшего архангела, предлагает:

— В моих силах вернуть тебе душу, эмоции и чувства, снова сделать человеком... — но Хель не договорила, мальчик кивнул в знак согласия на взгляд Князя Тьмы, и его новое имя было оглашено на весь зал:

— Алиссар! — мальчик, что прежде был Гарри Поттером перестал им быть вовеки и впредь, став полноценным, полноправным демоном. Мощным потоком, волна зеленого пламени прошлась по залу, обдавая жаром Преисподней и саму Бледную Госпожу.

— Ах, это чувство... — говорит черноволосый юноша, касаясь кончиком длинного когтя груди в районе сердца, отбивая незамысловатый ритм, — тишина и бездонная пустота, с оглушающим эхом, — улыбка и кончик блеснувшего клыка, а так же зелень глаз, дала понять Госпоже, что ее визит оказался бесполезным. — Простите великодушно, Госпожа, но на все ваши доводы, аргументы и доказательства нужности, я скажу короткое «Нет». Как сказали мне вы, когда я молил о помощи на той треклятой окраине Запретного Леса.

— Это месть? — злилась Смерть, призывая и материализуя косу.

— Нет. Просто ответ на ваш вопрос, — легкий поклон и слова прощания с его когда-то предком: — я бы сказал, что мне лестно ваше внимание и забота, но не скажу. Так как более не могу испытывать чувство благодарности, как и чувства в принципе, — развел руками мальчик, откланиваясь, прощаясь с Могущественными мира сего, оказываясь в стенах библиотеки школы Хогвартс.

— Алис-с-с-сар-р-р! — смакует на кончике языка свое имя демон, улыбаясь во все клыки, горя зелеными глазами в темноте ночных коридоров, находя по пути в комнату очередную цель, утоляющую голод. — Алис-с-с-сар-р-р! — имя демону нравится, приятно рычит диким, безудержным зверем и свистит, словно рвущий с корнем дерева ветер.

Алиссар

Эйфория пустоты и холод бездны внутри меня от дарованного Лучезарным имени привели в коридор второго этажа. Бездонный желудок требовал насыщения, тянулся щупальцами к той, кто первой попался на пути. К ревущему и затапливающему туалет призраку — Плаксе Миртл. Она, как всегда, висела над своим унитазом и страдала о потерянной жизни и своей участи. Но недолго. В дверях, полностью закрыв свою демоническую ауру, подхожу к окну туалета и опускаюсь на подоконник.

Она тут же забывает о своей тоске и страданиях, подсаживается и строит глазки, тонко намекая на интим.

— Дура! Какая же ты дура, Миртл! — рассмеялся я ей прямо в полупрозрачное лицо, введя в ступор и шок, а так же в состояние накатывающих слез и воя, — живые и мертвые быть вместе не могут, — продолжал смеяться. А она, отлетев от меня как ошпаренная, взвыла и начала реветь. Вода в туалетах забурлила и поднялась вверх, как гейзер, заливая пол.

— Гарри Поттер — ты гадкий мальчишка! — но тут с меня постепенно стал сходить блок сущности, медленно, слой за слоем, я раскрывал свою суть призраку, уже не ревущему, а бьющемуся в истерике. Если бы она могла, то сбежала бы, но нет. Мои пути не позволяют этого сделать, держат, как собаку на поводке. — Пусти, чудовище! — требовала призрак, заливаясь в истерике, делая своим воплем еще больший напор воды. Пол туалета уже утонул, вода потекла в коридор.

— Миртл, — зову я призрака, слегка натягивая поводок, приближая призрака к себе, — я делаю тебе одолжение, — сказал, беря девочку за руку, стирая ее слезку и поправляя очки, — я хочу помочь тебе избавиться от страданий призрачной жизни. Мне жаль тебя, — дальше рука тянется к ее волосам, поправляет пряди и гладит, успокаивает. Она поддается и садится рядом со мной на подоконник. Все еще всхлипывая, спрашивает:

— Это правда? — глаза наивные-наивные, полные доверия. Посмертный огонек, горящий в груди Миртл, разгорается, опалает желудок, призывая меня к действию. Но не так быстро. В отличие от Пивза, здесь я хочу получить согласие и вкусить добровольной жертвы.

— Правда, — моя рука берет руку Плаксы. Подношу ее к губам и касаюсь пальцев легким поцелуем, говоря: — я хочу, чтобы мы с тобой, Миртл, стали единым целым, — Девочка от таких слов тут же смутилась, но поближе все же прижалась, голову на плечо опустила. И попросила посидеть вот так пять минут, в тишине, рядом со мной.

— Я готова! — сказала она, продолжая держать за руку, лежа на плече, смотря на меня снизу вверх, через стекла очков, с легкой улыбкой на губах. Потом ее глаза закрылись, улыбка стала шире, огонек души разгорелся с невероятной силой, а человеческий облик растаял, оставаясь в моей ладони серым шариком, охваченным призрачным пламенем сущности. Эту душу, добровольно отдавшуюся в мои руки, я съел по пути в нашу общую с Драко комнату.

Держа в пальцах, наслаждался ощущениями потусторонней прохлады, далее, поднося шарик и вдыхая запах, шлейфом несбывшихся девичьих надежд, а потом, касаясь губами полупрозрачной поверхности, и вкусом самой души. Погрузив ее в рот, смаковал и даже урчал сущностью от накотившего удовольствия. Это единственное чувство, которое у меня

осталось. И которому я буду служить всю свою долгую жизнь.

— Довольный демон — сытый демон, — говорит Драко, видя меня в прекрасном расположении духа. — Кого съел? — спрашивает вампир, читающий книгу, сидя на кровати. Я, довольный и сытый, рухнул на кровать, потягиваясь, все еще ощущая на губах вкус души, сказал:

— Миртл, — блондин с облегчением выдохнул, сказав, что давно пора. Туда ей и дорога — в недра моего желудка. С ним согласился и Забини, вошедший в комнату в одном полотенце:

— Достала меня эта ноющая девчонка! Покурить спокойно не давала! — буркнул мулат, заворачиваясь с головой в одеяло, засыпая. Лишь напоследок, сонно сказал, обращаясь к нам с вампиром: — не спящие, толкните меня утром на занятия! — и не дождавшись ответа, засопел.

Драко повесил на его кровать заглушающее заклинание, а после, скривив нос сказал, что от меня исходит странный запах, напоминающий копоть или жженную бумагу. Усмехнулся, ушел в ванну, а когда вышел чистый и свежий, рухнул на кровать, сладко потягиваясь. Мог бы, уснул. Но мне без надобности. Я просто нежусь в кровати, наслаждаясь послевкусием Миртоловой души.

— Что зреет в твоей рогатой голове? — спрашивает блондин, не отрывая взгляд от страниц книги, — к чему мне готовиться? — но ответом я его не удовлетворил, лишь ухмыльнулся. Драко махнул на меня рукой, качнул головой и ушел в содержание книги. А я покинул нашу комнату, отправившись гулять.

Босиком, в пижаме, свежий и отдохнувший, я брел в темноте коридоров Хогвартса, опираясь на ночное зрение и нюх, подсказывающий мне места и личностей, с которыми не было желания и необходимости сталкиваться. А к кому-то целенаправленно заглянул, убедившись в перспективном сотрудничестве. Но отложил визит и разговор на потом, так как та личность, еще не дошла до нужного мне состояния.

— Скоро, очень скоро... — мой едва слышный шепот в тени кабинета и прощание до утра: — увидимся на уроках...

Утром, после завтрака, в компании слизеринцев, под взгляды гриффиндорцев, двигаюсь на первый урок — зельеварение. Гораций, как и всегда, всех радушно принимает, приглашает за столы и готовит очередное представление. Испытание на глаз и нюх, а также знания. Темой урока стало Аконитовое зелье, помогающее оборотням затолкать зверя в глубины и заглушить вой сущности. Опознал тему урока Теодор, прямо с порога шарахнулся в сторону, спрятавшись в дальний угол кабинета, сев на дальнюю парту. Гораций не обратил на это внимания, а вот гриффиндорцы, особенно Невилл, знающий особенности растений и их влияние на некоторых представителей темного народа, очень даже.

— Что, Нотт, запах аконита не нравится? — усмехнулся Лонгботтом, а с ним и Уизли, — может, ты еще и на луну завоешь?

Шутка не пошла дальше, так как короткий приказ с моей стороны, прикрепленный печатью связи и Гермiona резко поднялась со своего места. Растерянная, не понимающая, что с ней происходит, и зачем она вскочила, посмотрела в мою сторону, сталкиваясь с клыкастой улыбкой и демоническим взглядом авадовых глаз с вертикальным зрачком, видимых только ей одной. Тут же она поняла, что происходит, но поделать уже ничего не могла. Говорила то, что нужно было мне. Через нашу с ней связь контрактора и демона,

посылал текст, который она озвучивала:

— Лонгботтом, Уизли, Финиганн! — нравоучительским тоном произносила каждое имя рода она, уперев руки в боки, — у нас урок! Потом со слизнями выяснять отношения будем! — говорила она сердито и строго, но в глазах я видел застывшие слезы, готовые вот-вот покатиться по щекам, по телу же шла дрожь страха, сковавшая ее по рукам и ногам. Она хотела бы поддержать Лонгботтома и вставить что-то заумное, в ее духе, но не могла. Мысли ее не слушались, рот говорил совершенно не то, что в разуме. От этого ей становилось еще страшнее. Но то ли еще будет.

— Это твоих рук дело, рогатый? — спросила Панси, — ты ей управляешь? — банши с интересом смотрела на гриффиндорку, с силой, до побелевших костяшек сжимающую ткань юбки, закусывающую в кровь губу, все так же отчитывающую студентов алознаменного факультета.

— Да, — не отрицал я, — имею полное право, как гласит наш контракт, — и снова улыбнулся хищным оскалом с демоническим взглядом, посмотрев на Грейнджер, дрожащую от каждого моего взгляда, как осиновый лист.

— Значит, Грейнджер все же поддалась на зов книги, вызвала тебя, отдав душу, и ты теперь не Безымянный? — спросил у меня Драко, но при этом, не предъявляя претензий за то, что промолчал и не рассказал о проведенном ритуале и имянаречении по факту. Я лишь кивнул, подтверждая, обещая рассказать подробно о прошедшей с Грейнджер сделке, если надо.

— Не надо. Результат виден, — говорит Панси, показывая на гриффиндорку, скованную моими путами договора, — и так понятно, что наша Героиня теперь послушная собачка.

— Лучше имя назови, демон! — требовал вампир, выражая общий интерес.

— Алиссар, — легкий поклон и урок начался.

Гораций рассказывал о свойствах Аконитового зелья, о каждом ингредиенте, их сочетании и свойствах вне зелья. Говорил он, как и прежде, с воодушевлением и большой любовью к своему предмету, но это только на первый взгляд. Внутри зельевара была пустота, сродни моему желудку, наполнить которой уже невозможно. Пустота, ставшая частью него, разрушающая изнутри. Поднимающая вверх все терзания и страдания, которые он в себе вращивает.

Причина — лорд и его крестражи. Гораций еще тогда, на моем далеком шестом курсе говорил, что мог остановить его, вразумить, отговорить, не смог перебороть страх потерять из окружения такого таланта, как Том. Жадность — вот его смертный грех, окутывающий и поглощающий душу, магию и разум без остатка. Даже в такие моменты, как угроза жизни студента, важного для него студента, Жадность сыграла злую шутку, не дала и шанса расстаться с тем, что Гораций считал своим.

Его лучший ученик, староста факультета, талант, достигший статуса Подмастерье зельевара в 16-ть лет, но пошедший темным путем, был нужен и важен его коллекции, даже несмотря на то, что собирался с собой сделать. И что нес в будущем своему окружению и миру магии. И именно это и съело Слизнорта изнутри, разрушая и так хрупкую материю души, ауры и тела.

— Я избавлю вас, профессор, от этого страдания и терзания, — шептал я, стоя в тени кабинета глубокой ночью. — Только скажите заветные слова... — и он, опрокидывая очередной стакан с огневиски, сказал:

— Не могу... я так больше не могу... — по его щекам текли слезы, плечи дрожали от

рыданий, а из рук падает стакан, разбиваясь на куски, разливая алкоголь по полу. И с губ слетает: — я хочу избавиться от этих воспоминаний! Перестать страдать и видеть трупы учеников каждую секунду! Пожалуйста! Кто угодно! Даже сам Сатана! Забери их... — и опустился на пол, на колени, плача навзрыд. И отвечая на его мольбы о помощи, из тени выхожу я:

— Владыка занят, но могу и я...

Дамьен Каро

Случаи продажи души в обмен на услугу, заинтересовавшие меня еще пять лет назад, не дававшие покоя, снова возобновились. Демон, взрослый, с именем, с десятками сотен заключенных сделок и съеденных душ, привел меня в Англию, в школу волшебства. Вспышка очередного договора колыхнула силу Священнослужителя, зовя исполнить кару. Вспоминая о своем звании, пусть и отставного аврора, сложившего полномочия, откликнулся на запрос, став профессором по защите от Темных Искусств.

Детишки, подростки, как я их не люблю, только поделаться ничего не могу. Ведь суть, святая сила тянет именно сюда, в Хогвартс. Раз так, то демон близко. А где демон, там и темные твари, требующие истребления. Но сперва их покровитель, потом и с ними разберусь. Вычислить нечисть и нежить нетрудно, подметить особенности, привычки, вкусы, проследить, пообщаться с окружением и готово. Так было всегда, в любом учебном заведении, куда бы не пришел, в школе или университете магглов, колледже или академии волшебников, но не в Хогвартсе.

Странность номер один: — призраки. В магических заведениях с обучающим характером они попадают на каждом пути, прохода не дают. А тут, тишина и спокойствие. Так же с картинами. Они не навязываются, просто висят и за всеми наблюдают, временами едва слышно перешептываются.

Странность номер два — это магическая энергетика, гуляющая по коридорам школы. Гуляя во время дежурств по коридорам разных факультетов, словно попадаю в разные климатические пояса. В коридорах Гриффиндора — жаркое лето на берегах моря. Во владениях Хаффлапа — умеренная, разнообразная, со сменой сезонов. В башне и прилегающем коридоре Рейвенкло — прохладная и освежающая. В подвалах Слизерина — холодная, промораживающая, словно на севере.

И странность номер три — Герой Магической Британии. Поттер, на первый взгляд, личность себялюбивая и высокомерная, смотрящая на всех свысока. Гордостью так и прет, себялюбием пышет, демонам на радость. Ведь грехи — их любимое лакомство. Но, как оказалось, это лишь маска, которую Поттер носит. Настоящий же он потерянный, растерявший к жизни всякий смысл. Потухший взгляд, пепел вместо эмоций. Как и положено после того, как пережил то, что пережил он.

И не он один страдал от послевоенного синдрома. Все носили маски, натянуто улыбались, смеялись, но глаза... Их выдавал взгляд. Особенно старого профессора Зельеварения, заливающего организм Шадди*. Одному ему известно, что предстает перед глазами зельевара, стоит их закрыть, и что на душе, и сердце, когда никто его не видит.

Но слепы и глухи к страданиям, и бессильны к мольбам смертные, даже ближнее окружение. Предпочитают смотреть со стороны, поддерживать лишь для видимости. Бессмертные же, живущие во тьме бездны, питающиеся страданиями и болью, всегда слушающие и слышащие, на призыв ответили и появились, капая слюной на душу заплутавшего зельевара, как только тот дошел до состояния невыносимого отчаянья.

Резко натянулась пространственная ткань, накалился огнем преисподней воздух коридора лекционных кабинетов, запахло гнилыми яблоками. Светлая суть серебром опалила душу. Закипела святым огнем кровь, воззвал призывом к действию меч, сносивший

не одну сотню рогатых голов. А нить праведного гнева вела к одному конкретному — Горацию Слизнорту. Но когда я добрался до кабинета Зельеварения, над телом старика уже стоял демон, держа в руках шарик души, окутанный серо-зеленым огнем жизни.

— Демон! — призываю я клинок, надвигаясь на рогатого, навязывая бой, одновременно с этим сравниваю эманации демонической энергии с той, за которой охотился пять лет, с той, которая привела меня сюда. Но это не тот демон, за которым я прошел весь этот путь. Он младше, да и энергетика греха от него не исходит. Скорее всего, он только-только получил имя, и это его первая, пропитанная грехом добыча в облике полноценного дитя Сатаны.

— Мисье Каро, — обратился ко мне по имени рогатый, отвесив шутовской поклон. А широкая, клыкастая улыбка, пронзающий взгляд ядовито-зеленых глаз с вертикальным зрачком и падающие на спину и грудь тугие кудри черного, словно смола, натолкнули на мысль о том, что внешность демона чертовски напоминает поттеровскую. Те же черные волосы, зеленые глаза и улыбка. Убрать у этого демона рога, крылья, когти, хвост, сделать нормального цвета свежей зелени глаза, и получится Поттер.

— Верни душу Горацию! — требовал я, приставив к груди кончик серебряного клинка. Демон не двигался, не исчезал и не нападал в ответ. Он все так же стоял и смотрел на меня, улыбаясь, демонстрируя белоснежный оскал. Лишь кончик хвоста менял свое положение, двигается то вправо, то влево.

— Не могу, — говорит демон, отвечая на мои требования, — душа в обмен на услугу. Я стираю все до единого воспоминания о Томе Реддле, о крестражах и всем, что с ними связано, а он мне свою душу. Все честно, мисье Палладин, — разводит руками в сторону демон, по-прежнему стоя и не двигаясь. — Вы не имеете права требовать с меня возврата души и уж тем более нападать, если сделка была добровольной.

— Ты воспользовался его слабостью! — сжал я рукоять сильнее, меняя позицию ног, готовясь атаковать. Только демон сказал:

— Да. Воспользовался. Но если бы ему помогли, оказали поддержку, были в трудные моменты рядом, — улыбка с губ демона сошла, взгляд стал холодным и безжизненным, а голос замогильным. Этими словами он упрекал, даже отчитывал, что немыслимо, — но вы все предпочли смотреть за страданиями профессора со стороны, сочувствовать для вида, — а потом снова улыбка и зажатый в руке шариком души он коснулся губ, опуская ее в рот, как конфету, — а я помог по-настоящему...

На этих словах с широкой победной улыбкой, сверкая белоснежными клыками, зеленью ядовитых глаз, уходя от атаки моего меча, демон растворился в тени комнаты, уносясь в бездну Преисподней, под крыло своего Повелителя. К моему сожалению, я смог нанести лишь поверхностную рану, едва проникающую в плоть, оставляющую на кончике моего клинка капли черной крови, пахнущей гнилыми яблоками. Смахнув ее, перевел внимание на Горация, лежащего без сознания.

Зельевар пребывал в царстве Морфея, довольно улыбаясь. Видимо, кошмары, мучившие его и показывающие ужасы и страхи прошлого, ушли. Сон отныне и впредь будет спокоен. А жизнь, пусть и коротка, все же размеренна и монотонна. Мне он более не интересен. Ведь второй раз лишённые души демону без надобности. Брать с них нечего. Оказалось, ловить на живца душой заблудшего в прошлом Горация не лучшая из моих идей. Но, в школе есть еще окутанные грехом души, а так же старые призраки факультетов, отпечатки картин, которые любой демон с удовольствием съест.

Облик демона не давал мне покоя, так и стоял перед глазами. Всю ночь будучи на посту дежурного, и утром, на завтрак и первых двух лекциях, я подсознательно сравнивал его с Поттером. Чутье, выработанное годами, так и вопило, что это так, и демон, съевший душу Горация — это Герой магической Британии. Но оснований подозревать Поттера в том, что он демон, у меня нет. Чтобы снести его голову серебряным клинком, я должен быть уверен на все сто процентов. А я допускаю вероятность в два процента, что это не так.

— Любимый мной восьмой курс! — поприветствовал я учеников, сопроводив слова ударом книги о стол, — покажите мне знания и умения магического боя? — ученики воодушевились, загоготали, а кто-то даже выбирал противника, жадно пронзая взглядом. Уверен, дай им волю, бывшие гриффиндорцы вызовут на дуэль бывших слизеринцев. Эти два факультета хлебом не корми, дай смахнуться. Не отказал львам в состязании со змеями. Но перед этим подготовил класс, убрав парты и расширив территории магией, дав больше свободы действий. — Пары я определю сам. И первая дуэльная пара Малфой — Уизли.

Стоило мне это сказать, как Рональд заулыбался, расправил плечи и под бурные аплодисменты своих товарищей вышел в центр импровизированной арены. А Малфой, как и положено аристократу, проявлял сдержанность. На удачу поцеловал ладошку Персефоны, получил ободряющий толчок Забини, хлопок по плечу от Нотта и напутствующий взгляд от Поттера. Присоединяясь к Рональду, обнажая из перевязи на предплечье палочку, Драко сказал:

— Я готов!

— Я тоже!

И бой начался. Сначала оппоненты обменялись изучающими ударами, легкими чарами и заклинаниями, проверяя защиту друг друга, а потом пошли в ход атаки среднего уровня. Вот тогда и стала видна разница в подготовке. А так же в умениях. Уизли неплох, средний уровень владения магией его по праву. Но Малфой. Этот парень хорош. Резок, быстр, точен. Казалось, он предугадывает каждое действие Уизли. Выматывает его, изнуряет, заставляет выкладываться на полную, а так же использовать больше магии, чем нужно. Итог прост.

— Туше! — палочка Малфоя у горла Уизли. Гриффиндорцы скрипят зубами, проклинают слизеринца за наглость, а потомки Салазара лишь улыбаются, сдержанно поздравляя блондина.

— Вижу, дети Годрика и Салазара неплохи в сражении. Битва с Темным Лордом вас закалила, сбила спесь. Вы — будущее магического мира. И сражаться друг против друга не вижу смысла.

— И что вы предлагаете? — спрашивает Лонгботтом, оглашая интерес всех студентов, как гриффиндорцев, так и слизеринцев.

— Дуэль против меня, — сказав это, навел панику и замешательство. Бравые гриффиндорцы и хитрые слизеринцы сделали два шага назад от центра, выказав свою позицию «против», — что? никто не рискнет скрестить со мной палочки? — и смотрю на Поттера, который, лениво облокотившись о стену, стоял и смотрел на всех, ожидая, когда же все это закончится. — Может, вы, мистер Поттер? — и реакцией стала улыбка, от которой перед глазами снова встал образ того самого демона, забравшего душу профессора Слизнорта. Взгляд же, этот пронзающий и зеленый, казалось, еще мгновение и станет хищным, с вертикальным зрачком.

— Почему бы и нет, мисье Каро.

Палочка в руке, стойка и легкий поклон, как и гласит кодекс. А дальше танец, долгий, изнуряющий, затягивающий. Скорости, на которых мы с Поттером перемещались по залу, улавливали не многие, единицы, в число которых входили Малфой, Нотт, Паркинсон, Забини, Лонгботтом, Бут, и еще пара рейвенкловцев, имена рода которых я не запомнил. Остальные же наблюдали за боем, открыв рот. А было на что посмотреть. Уровень владения боевой магией у Поттера на ступени почти Мастера.

— Интересно, мистер Поттер, а что будет, если дать вам в руки меч? — спрашивал я, переводя дух, восстанавливая дыхание.

На этот вопрос Поттер не ответил, лишь оскалился, хмыкнув. А следом атаковал, уходя в скорость, сокращая между нами расстояние за считанные секунды. Не знаю почему, но палочка из рук пропала, на смену ей материализовался серебряный клинок. Поттер едва успел уйти с траектории лезвия, отклоняясь от удара. Мальчик увернулся, но его все же задело по касательной. Кровь, капающая на белый воротник рубашки, распространяла запах гнилых яблок, окончательно стирая те два процента сомнения.

— Ты! — мой злой взгляд встречается с его взглядом. И лишь для меня одного горят ядовито-зеленым радужки, дрожит хищный зрачок, заостряются зубы, становясь клыками. А аура преисподней окутывает с ног до головы.

— К вашим услугам, мисье Паладин...

**Шадди — это бодрящий напиток, сваренный из размолотых зерен кустарника шадди, растущего в Багряных землях. Его употребление официально не одобряется эсператистами, но, тем не менее, многие кардиналы употребляют этот морисский напиток. Также многие дворяне и даже коронованные особы пили шадди. Некоторым это стоило жизни.*

Алиссар

Профессор таки произнес заветные слова и отдал свою душу в мои когти, в обмен на полное стирание в памяти всех моментов, связанных с Томом, крестражами, а так же последствий, следовавших из-за его молчания. Теперь его память хранит лишь приятные воспоминания, без моментов общения с Реддлом, для него этого человека никогда не существовало. Отныне его память не несет военных действий, смертей, в которых погибли сотни магов и магглов, а так же вину, которая тяготила душу.

Но не успел я отужинать, проглотив шарик, окутанный серо-зеленым пламенем, как на меня напал Паладин. Каро требовал вернуть душу Слизнорта. Но, у нас с ним контракт, добровольный, я его не заставлял.

— Но воспользовался...

Предъявлял мне Паладин, приставив к груди кончик меча. Я стоял, замерев на месте, не шевелясь, так как помню боль от святого клинка, которым меня приласкала Полумна. Говорил профессору, что вина за душу в моих руках, лежит на окружении Горация. Ведь все видели, в каком он состоянии, знали, как переживает и не спит по ночам, но при этом ничего не сделали.

— А я сделал, — сказал с улыбкой, опуская шарик души в рот, как конфетку, скрываясь в тени. Паладин на последних секундах атаковал, нанося удар в грудь, лишь по касательной задевая, опалая жаром серебра. Но это ерунда. Пусть и жжет, но неудобства не приносит. Через пару минут царапина затянется и следа не останется. А вот эффект от поглощения души профессора, окутанной и пропитанной Жадностью...

Со мной происходило что-то странное и необъяснимое. Такого после поглощения осколка Тома и призраков не было. Казалось, моя пустота, дарованная огнем Преисподней, теперь с кем-то делила место. Внутри, словно стягивался тугий комок, формируясь во что-то непонятное. Это что-то сродни желанию обладать чем-то или кем-то. Держать это в руках и говорить, нависая: «- *Моя пр-р-р-релес-с-сть!*» Спросил бы Сириуса, что со мной происходит, но он вне зоны досягаемости. Поэтому, приходится разбираться самостоятельно, то есть ждать, когда эта загадочная энергетика освоится и даст о себе знать в полной мере, а не отголосками странного, мне неведомого желания.

А пока душа профессора и окутывающий ее грех перевариваются в желудке, явно перестраивая мой демонический организм, у нас уроки. Первые две пары Трасфигурация у директора, а вторые у профессора Каро. Паладин не стал заморачиваться с темой уроков, а решил провести магические спарринги. Первой парой дуэлянтов стали Малфой и Уизли. Драко, при всем своем превосходстве, раскатал Уизли, как истинный аристократ и джентльмен. Изматывая и выводя противника из сил долгим, изнуряющим боем, играя сначала по его способностям, на его уровне, а следом поднимаясь на ступени выше, давая понять противнику разницу в уровнях. Итог:

— Туше! — палочка Малфоя у горла Уизли. Алознаменные желают Малфоя издоха, проклинают блондина за то, что он победил. А Нотт, Забини и Паркинсон лишь улыбаются тихо и спокойно поздравляя. Как и я.

— Вижу, дети Годрика и Салазара неплохи в сражении. Битва с Темным Лордом вас закалила, сбила спесь. Вы — будущее магического мира. И сражаться друг против друга не

вижу смысла.

Сказал он это к тому, что нам нет смысла сражаться друг против друга. На войне с Лордом и его Псами мы доказали и показали на что способны. Но есть возможность проявить себя, сразиться с ним. Желających проверить свои силы против Паладина не оказалось. Все сдали назад. Никто не горел желанием выступить в паре с профессором Каро. И тогда выбор Паладина пал на меня.

В магическом плане Каро оказался хорош. Мы, скрестив палочки, гоняли друг друга по импровизированному залу на невероятных, мало для кого доступных скоростях. Уследить за ходом нашей дуэли могли единицы. Остальные лишь ждали исхода и победителя. А я был уверен, что профессор Каро владеет святым мечом на таком же уровне, как и палочкой. Вопрос схожего характера задавал и он, но вместо ответа я напал, сокращая расстояние.

Паладин, видимо на реакции, отозвал палочку и материализовал святой меч. Увернуться я успел, но не полностью. Кромка серебряного клинка таки задела меня по касательной, принося жгучую боль, рана в то самое место, что и Полумна. На воротник белой рубашки капали вязкие капли темной крови, распространяя легкий, едва уловимый запах гнилых яблок. Его чуяли конкретные слизеринцы и паладин, стоявший напротив меня. И как только до него дошел запах, а так же осознание кто перед ним, он взревел:

— Ты!

— Я, мисье Каро, — лишь для него одного призываю ядовито-зеленые глаза с вертикальным зрачком и клыки, а так же напускаю легкий флер демонической ауры. — К вашим услугам, — очередная улыбка и предложение продолжить бой. Но он, сдерживая желание снести мне голову, отказывается, говоря:

— Сейчас ты не демон из преисподней, а Гарри Поттер, Герой магической Британии и ученик школы. А я не Паладин, а профессор Защиты от Темных Искусств. Так что живи пока, — зло выплюнул он, и как раз закончился урок, оглушая свободу звонком.

Студенты быстро освободили класс, толпой устремившись в Большой Зал на обед. Неторопливо шли и мы со слизеринцами. Они были обеспокоены тем, что Каро теперь в курсе моей сути. Он будет за мной следить, выжидать момент, чтобы убить. Только для вынесения смертельного приговора, я должен убить человека или мага, забрав его душу силой, вырвав из груди вместе с сердцем и кровью. Смаковать и наслаждаться окутывающим страхом и болью.

— Таким способом я питаться не намерен. Меня призраки и картины устраивают, — отмахнулся я от взволнованных слизеринцев, переживающих за местоположение моей рогатой головы, — так что расслабьтесь.

Больше мы этот разговор не заводили. Это дела, как сказала Панс, мои личные, их не касающиеся. Они могут лишь поддержать или высказать свое мнение. Но все равно решение останется за мной. Повлиять ни на что они не могут. Лишь быть сторонними наблюдателями. Как и еще одна персона, не сводящая с меня глаз все обеденное время. Полумна. Ее серебром горящие, опаляющие мою суть глаза, пристально следили за каждым движением, действием. Не отказывал ей в такой возможности, пусть следит.

— Пошли, — толкнул меня в бок вампир, — у нас еще История, — на этом обеденный перерыв закончился, и мы двинулись в кабинет профессора Бинса, который все так же вещал о войнах с гоблинами. Съесть его — было еще одним желанием, но у меня пока есть на кого рассчитывать в качестве обеда. Так что профессора оставлю на потом. Послушаю о гоблинах, их знаменитых вождях и полководцах, а заодно подумаю, как быть с директорским

портретом, висящим в кабинете Кингсли.

Уроки закончились, ужин давно прошел. На школу и ее коридоры опустилась ночь. Студенты и профессора, в том числе и директор, спали в своих постелях. Даже Драко и тот, в дань традиции и прошлой сущности не покидал теплого одеяла и мягкой подушки, лежал и читал. И лишь неспящие, вроде меня, бродили во тьме. Цель моей прогулки в эту ночь одна — пообщаться с леди Еленой. Провести время в компании приятного призрака, на которого я не капаю слюной. И чтобы пообщаться с призраком Рейвенкло, я шел в сторону вороновой башни.

Как и всегда в пижаме, босиком, с распущенными волосами, падающими мне на плечи тугими кудрями, в человеческом облике, я брожу во тьме школьных коридоров. Лишь горящие демонической зеленью глаза выдавали во мне не человека. Шел на шлейф ее энергии, не перемещаясь тенями. Только разговор с леди Еленой пришлось отложить на потом, так как во тьме блеснула серебряная вспышка, опалая жаром светлой энергии. Отклониться в сторону, вот и все, что я смог, так как атака была молниеносна.

— Мисье Каро! Давно не виделись, — усмешка и готовность исчезнуть в тенях коридора, если тот снова нападет.

Паладин, ничего мне не сказавший, в ответ не поприветствовавший, еще сильнее сжал пальцы на рукояти меча, готовясь нанести резкий удар, метящий явно в сердце или в шею, чтобы обезглавить. И я едва успел среагировать, заметить движение паладина и последующую серебристую вспышку, слетающую с кромки лезвия, как послышался лязг металла. В глазах заплясали серебряные искры. Меч Каро столкнулся с клинком Полумны, вставшей на мою защиту.

— Полумна, — улыбка во все клыки и рука с черными когтями, тянущаяся к ее серебряным волосам, обжигающим не меньше святого оружия. Но несмотря на это, я касаюсь серебряного водопада, ощущая покалывание и жжение, наматывая на длинный, загнутый коготь прядь, касаясь губами в поцелуе.

Этот жест что-то пробудил внутри меня. То самое желание, ведомое душой Горация и его грехом. Жадность, гонимая по венам огнем Преисподней, требовала прижать девушку к себе, заключить ее в объятия, и с силой сжимая хрупкие девичьи плечи, ощущая под кожей ток святой крови, бьющееся в грудной клетке сердце и ходящие ходуном легкие, сказать с шипящими, на грани парселтанга: «- Моя пр-р-р-релес-с-сть!». Странное желание, от которого не хотелось избавиться, а ему поддаться, без остатка.

Девушка стояла напротив Каро, спиной закрывая меня. Ее клинок у шеи профессора, его же меч касается груди, именно в районе сердца. Каждый из них ждет момент, чтобы напасть. Но для этого нужен повод. К тому же у них разные ранги. Полумна — новичок, только постигающая силу святого клинка, а профессор — матерый вояка, за плечами которого горы снесенных рогатых голов. Так что исход очевиден.

— Уйди, девочка! — нарушил тишину старший паладин, — он — демон. А наша миссия уничтожать таких как он, а не защищать! — клинок от сердца Каро убрал, Полумна же опустила свой, сказав

— Этот демон — моя добыча! — все еще не поворачиваясь ко мне лицом, закрывая спиной, говоря: — он был моим другом. Защищал, помогал, учил магии, — было такое. Полумну я мог по праву назвать лучшим другом. Она никогда меня не предавала и от меня не отворачивалась. Была в трудный период жизни рядом. — И в дань памяти нашей дружбы,

вынести смертный приговор должна я.

Дальше права и доводы Полумны на мою рогатую голову я не слушал. Пока паладины разбирались между собой, деля одну конкретную демоническую тушку, уделил внимание той, к кому шел на ночной разговор. Леди Елена показалась из стены, приветствуя. И отойдя в сторону, чтобы не мешать служителям света, обсуждали картину директора и наличие в ней осколка души, а не отпечатка.

— Значит, мы с Полумной оказались правы...

— Да. Портрет Альбуса несет тот же шлейф и привкус запрещенной темной магии, что и осколки души Тома. Но по портрету не скажешь, один у директора осколок души или больше. Нужно проверить все портреты, а так же связанные с ним вещи, важные и дорогие, как было с Реддлом.

— Могу поручить эту миссию вам, мистер... — но тут задумалась, так как понимала, что перед ней более не безымянный демон. Она, как ритуалист, пусть и давно мертвый, все же имеет кое-какие навыки и может различить уровень и статус демона. — Алиссар, красивое имя. С одного старинного магического языка, принадлежащего высшим эльфам темной крови, переводится как — окутанный удачей.

— Хм, — задумался я, соглашаясь с тем, что удача и правда меня на протяжении смертной жизни сопровождала. Ведь по-другому то, что я выживал, несмотря на все приключения, испытания и опасности, не назовешь. Так что да, имя подходящее.

— И еще, Алиссар, — приблизилась ко мне леди Рейвенкло, добавляя шепотом, смотря на Полумну, — Жадность — коварный грех. — Не понял о чем она, но леди продолжила: — Впервые съев полноценную душу заключившего с тобой сделку человека, окутанную одним из грехов, сам становишься им подверженным. Грех станет частью тебя, твоей сущностью.

Вот теперь все встало на свои места. Особенно этот мне не присущий, неумный собственнический позыв, заграбастать кого-то в когтистые объятия, и с шипением: «Мое!», плевать ядом и не отпускать. Леди, как только выполнила миссию просветителя, покинула мое общество. Как и мисье Каро, пригрозив мне клинком и сказав на прощание:

— Демон, я отдаю право добычи Лунной Лавгуд, но учти. Если она заблудится, свернет на тропу греха, твою голову снесу я.

Любезностью я ему не ответил. Проводил взглядом, предлагая Полумне прогуляться до башни ее факультета и обсудить портрет Дамблдора и хранящийся в нем крестраж. Девушка снова стала такой, как и в быт меня человеком. Общительной, улыбающейся и милой. И лишь раз она предупредила:

— Я не стану нападать и убивать тебя, Алиссар, ровно до тех пор, пока ты питаешься душами грешников, призвавших тебя, заключивших сделку. Но стоит тебе вступить на путь смерти, начать убивать ради пропитания, голова сиюминутно слетит с твоих плеч и покатиться по полу.

— Буду иметь в виду, — улыбнулся, прощаясь с Полумной, растворяясь в тени коридора синего факультета, желая ей спокойной ночи, оказываясь у двери в нашу с Драко и Блейзом комнату.

13 глава «Five-o'clock, министр Кингсли!»

Алиссар

С того дня, как Полумна предъявила права на мое убийство паладину Каро, прошла почти неделя. За это время я убедился в словах леди Елены. Душа, съеденная мной, получившим имя, оказывала влияние, которого я даже будучи живым не испытывал. Жадность профессора до внимания и общения мне не передалась, но все же влияние греха имело. Особенно с ближним окружением.

Друзьями я их по-прежнему не назову, так как не испытываю ничего подобного, но вот чувство дикой собственности по отношению к ним — да. Драко и Персефону, как и в случае с Полумной, хочется связать самыми прочными лентами, заткнув рты, ограничив движение, и никуда не отпускать. Склониться и чахнуть, как Смауг над золотом под горой гномов[2]. С Забини и Ноттом Жадность не требует подобного, лишь пробует на вкус, присматривается.

— Алиссар, — толкает меня в бок Драко, — к тебе Ник, — показывает на сову, несущую мне письмо с гербом министерства.

— Ответ от Кингсли на просьбу встретиться и пообщаться, — напомнил я о деле, порученном леди Еленой. Птица, как только отдала послание, тут же вспорхнула и улетела, а я раскрыл конверт, и еще не прочитав: — Надеюсь, прогуляться к министру сегодня. Быстрее решу дело с портретом и крестражами, больше будет времени на себя и свой желудок, — и на мою удачу, которая не покидает меня даже в демонической жизни, приглашение выписано на сегодня.

— Ты не Жадность, Алиссар, а Обжорство, — шепчет мне Персефона, показывая на рыжего гриффиндорца, накинувшегося на еду, как будто ее неделю не видел, — грех Уизли подошел бы тебе больше, греха Слизнорта.

— Каждый демон — это сосредоточения голода, но в меру своей сущности и способностей, которые используют. Естественно, если этот грех не ведущий, — влилась в разговор Полумна, подсаживаясь за стол восьмого курса. Она со мной все так же мила, приветлива и дружелюбна, как и в прошлой жизни. Тон ее невесом и легок, а взгляд все так же мечтателен и загадочен. Но не у слизеринцев, хранящих свои секреты. — Расслабьтесь, ребят, — говорит она, зная, что они готовы в любой момент сразиться, за свою жизнь, — я по вам работать не стану, на ваших руках крови нет, — уточняя, — а та, что есть пролита в честном бою.

— Ты просто так, или по делу? — спрашиваю, смотря на задумчивую девушку, ушедшую в свои мысли. — Если просто так, то мне пора, — встаю из-за стола, не прощаясь, уходя по факту, но она меня остановила, взяв за руку. Этот жест и сопутствующее касание, снова подняли из недр огня преисподней то желание обладать, а для этого связать, заткнуть рот и капать слюной, говоря: «Мое!»

— Я с тобой пойду! — все еще не отпускала руку Полумна, смотря на меня, прожигая серебряным взглядом. Кое-как снял ее руку с моего локтя, подавил позыв «Взять! Схватить!», говоря:

— Министр мне не интересен в гастрономическом плане, будь спокойна! — еще несколько секунд Полумне потребовалось на то, чтобы самоубедиться, а после руку мою отпустить, сказав:

— Поверю тебе на слово, Алиссар. Но если что... — не дал договорить, повторил

сказанные ей же слова:

— Да-да-да! Моя рогатая голова слетит с плеч и покатится по полу, — отмахнулся и направился в кабинет директора, протягивая приглашения от министра с разрешением на каминное перемещение.

Директриса была удивлена приглашению на чай, особенно не в положенное для чаепития время, но все же отпустила, открыв камин, попросив не задерживаться. Откланялся, и зайдя в камин, назвав адрес, унесся огненным вихрем прямо в личный каминный зал министра. Он встречал меня с широкой улыбкой и распростертыми объятиями, но ровно до тех пор, пока не сжал в крепком захвате.

— Поттер! — откинул меня от себя, почти вталкивая в каминную рамку, тут же наставляя палочку, призывая заклинание серебряных лент. — Нет, ты не Поттер! — говорил министр, уже формируя ленту, направляя ее на меня. Но это не священное серебро, мне ничего от соприкосновением с ним не будет. Ленты меня не задержат.

— Верно. Уже не Поттер! — не скрывая суть, призвав черные когти, формировал в руке черное пламя, сжигая несущиеся на меня ленты. — Министр Кингсли, я не по вашу душу, можете расслабиться, — сказал, стряхивая с рук серебристый пепел лент, возвращая рукам привычный человеческому глазу вид, без когтей. — У меня к вам, министр, есть дело государственной важности, — Кинг отозвал магию, но палочку не убрал, держа меня на мушке, как сказали бы магглы.

— Излагай, демон!

— Ритуалист, я полагаю? — говорю, смотря на мужчину, при этом не видя огонь души, но ощущая стопор, как с леди Еленой. — и не как род Рейвенкло, широко-направленный, а с узкой специальностью, — втянул воздух и запах магии, который окружен министр, — что-то темное, даже запретное на территории Англии. Вуду? — предположил я. — Точнее ритуалы Вуду, но разница небольшая. Мне все равно не интересно. — отмахнулся.

— Нюх у вас, мистер не Поттер, — убрал палочку Кинг, все же приглашая пройти по коридорам министерства, обсудить мой визит и причину.

Ему, как ритуалисту, а уж тем более Вуду ритуалисту, хорошо известно, что такое крестраж и с чем его едят. Рассказывать влияние на душу и разум нет смысла. Поэтому перешел к делу, а именно к Реддлу, на котором Альбус явно ставил эксперимент, наблюдая и не вмешиваясь. По-другому назвать сей совместный период в жизни Реддла и Дамблдора я не могу.

— И ты хочешь сказать, что на фоне проведенного над Лордом эксперимента, выверив все положительные и отрицательные стороны этого сверх непростительного ритуала, он создал крестражи?

— Да, — коротко и по существу на все его слова.

— Альбус — олицетворение добра и света! — ну, началась песня. Ее я слушал долго, особенно про слова о том, что я неблагодарный щенок, не видящий правды, поверивший слухам и рассказам злых языков. Мог бы, возмутился, разозлился, начал спорить, доказывать свою точку зрения, но я просто шел рядом, выслушивая весь тот поток культурных помоев, которыми меня поливали. И как только его пламенная, праведная речь подошла к концу, уточнил:

— Все сказал? — Кинг кивнул и выдохнул, а я повел его к картине директора, находящейся в его кабинете, — картина Альбуса же у тебя висит? — спросил, а тот, смотря на меня непонимающим взглядом, сказал короткое, но ошарашенное: «Да». Предложил: —

эксперимент?

— Какой?

— Я разговариваю с директором, а ты проверяешь его отпечаток души на определенных Чарах, сам знаешь, что покажут Чары при обоих вариантах, — он кивнул, я добавил, — если ошибся, и картина не крестраж, принесу искренние извинения, от всей моей демонической души[3]!

Кинга передернуло. Он фыркнул, сказав, что нам, демоном ни разу не ведомо, что такое искренность. Не отрицал, но слова об извинениях не забрал. А Кингсли с неохотой, но на предложение проверить картину Альбуса на вшивость согласился. Мы с ним пошли в кабинет, общаться с нарисованным Дамблдором. По пути я полностью спрятал свою демоническую ауру, чтобы не напугать остальные картины, висящие в рабочей комнате министра.

— Перед тем, как мы начнем разговор с портретом Альбуса, скажи, чья инициатива повесить сей лик в твой кабинет? — у меня много свободного времени, куча мыслей, одной из которой способ воскрешения Альбуса из мира мертвых с помощью крестража. У Реддла был своеобразный ритуал, основанный на бренности тела и покойных предках. Что же у директора — так и не понял. Лишь раз промелькнула догадка, как он собирается вернуться в мир живых, но не было подтверждения. И если ответом на мой вопрос станет:

— Его воля, — вот теперь многое встало на свои места. Но «радовать» Кинга его не радужной перспективой не стану, пусть будет сюрприз. Ему это не навредит, но «обрадует». — Ты что-то знаешь, но не говоришь, — смотрит на меня министр, но пока информацию не вытряхивает, а ждет ответа. Им я его не удостоил, а открыл дверь в кабинет, напоминая о Чарах, которые нужно будет колдануть, ради проверки.

— Директор Дамблдор, — позвал я типа спящего старика, — рад вас видеть здесь, — показал на условия проживания, — не знал, что встречу вас в кабинете министра Кингсли, — поставив стул напротив его Святого образа, сел, скрестив ногу на ногу, приготовившись слушать очередные наставления и просьбу заняться очередным осколком почившего в недра моего желудка Темного Лорда. Но ничего подобного не происходило, директор по-прежнему просто улыбался и радовался моему визиту к старику. Жестами и Кингсли показывал отрицательный результат.

Странно, но картина и правда на первый взгляд не фонила запретной магией, ощущалась, как простой портрет с отпечатком души. Но это на первый взгляд, если же копнуть глубже, применить свои способы поиска информации, получится другой результат. Чуть приоткрыв печать на сущности, пустив энергетические щупальца, касаясь отпечатка и магической составляющей полотна, получим результат. Но озвучил я его Кингсли уже после того, как он пошел меня провожать к камину.

— Двойное дно, — сказал я, улыбаясь, предвкушая трапезу директорской душой, — точнее двойное плетение артефакта. Как квартира с двумя изолированными комнатами. В одной живет отпечаток, во второй крестраж. И в отличие от крестража, отпечаток не в курсе, кто его сосед.

— Ты уверен?

— Да, — и для подтверждения скинул ему параметры артефакта и жильцов магического полотна. Кинг, как только увидел параметры и слепки сущностей, выругнулся, явно на своем языке, проклиная кого-то конкретного.

— И что мне с этими жильцами моего кабинета делать?

— Изолировать, — улыбка и прощание лишь взмахом руки с напутствием, — а так же не верить ни единому слову. Ведь ты, пока не раскинешь свою ритуальную сеть, не узнаешь, кто с тобой говорит, крестраж или отпечаток.

О том, что крестраж может сделать, не упомянул, не мое дело. Ведь умудрись осколок директорской души спаразитировать на Кингсли, съесть его я все равно смогу. Будет чуть больше хлопот, но все же поужинаю. Плохо будет, если осколок каким-то образом или сольется с ведущей душой, или ее выселит. Вот тогда будет проблема. Добровольно в таком раскладе отделить одну душу от другой не получится, только насильно. А это карается отделением моей головы от плеч серебряным клинком.

— Надеюсь, директор Дамблдор, вы выберете для воскрешающего ритуала другой способ, а не самый, по вашим же меркам, жестокий, — надежда в моем черном, демоническом сердце не приживается, как и все человеческие чувства, испытываемые мной ранее, но все же я помню, что это такое. И придерживаясь этого состояния, шел в нашу с Драко и Блейзом комнату.

Драко

— Значит, у директора два крестража? — мы с Блейзом и Персефоной допрашивали Алиссара в библиотеке, в нашем укромном уголке, обложившись книгами, свитками, а так же Чарами заглушения. И у нас троих, уже второй час допытывающих демона, не укладывались в голове полученные от Алиссара сведения. Директор — олицетворение добра, поборник света, как он себя преподносил, окунулся в темную, запретную магию, наклепав два крестража.

— О которых я знаю, — сказал Алиссар, — возможно, есть еще.

— И как это узнать? — спрашивает Панси, зевая, прикрывая рот ладонью. Она уже сделала все задания, и минут десять сидит просто так, облокотившись головой о мое плечо, а иногда даже дремлет.

Время позднее, мы уже четвертый час в библиотеке находимся и параллельно урокам обсуждаем директора и его поступок. В шоке все, кроме Алиссара, он просто думает о том, как найти все крестражи и сожрать их, придав праведной трапезе. Больше его ничего не интересует. А то, что он восстановит что-то типа справедливости, покарвав грешника — не волнует.

— Дети, время! — показывает нам мадам Пинс на часы, — закрываюсь через пять минут! — мы быстро собрали все книги, сдали их мадам. Уложили в сумки свитки, перья и пошли по комнатам.

Проводив Панси до ее двери, попрощался, присоединяясь к Блейзу. Покидав все на кровать, переодевшись, напомнил Алиссару о прогулке под луной с Теодором. Демон не отказался, так же оставил книги и пошел к запретному лесу вместе со мной. Но на пол пути развернулся, сменив траекторию. И шел к пристани, туда, где погиб крестный.

— Алиссар, ты куда?

— На запах неуспокоенного призрака, — усмехнулся демон, поглаживая живот, уже предвкушая трапезу.

Голод, такой знакомый, но все же разный, нас с ним почти объединяет. Я его понимаю и поддерживаю, так как сам со сменой сущности познал его, это чувство ненасытности. Только стоило нам подойти к пристани, найти того неуспокоенного, как я резко встал между демоном и призраком. Не просто так, а потому что:

— Крестный! — не верил глазам, видя прозрачную фигуру мужчины, окрашенную серостью потустороннего мира. — Алиссар, я прошу тебя не трогать крестного, — но рука Северуса легла на мое плечо, он готов был отдаться в руки демона, наполнив его желудок.

— Драко, если мистер Демон решит меня съесть, то... — Алиссар на слова крестного улыбнулся своим фирменным оскалом с белоснежными клыками, подсвечивая зеленью глаза, покидая пристань со совами:

— Съесть душу профессора Снейпа и не получить несварение, надо постараться, — и растворился во тьме ночи, а мы с крестным остались.

Разговора практически не было. Мы с Северусом просто сидели на крыше пристани и смотрели на полную луну и звезды. Я, как представитель темного класса мог спокойно касаться призрака, как и он меня, именно поэтому все проведенное время вместе, лежал головой на плече зельевара, вспоминая детство и наши посиделки в Паучьем Тупике. Он

обнимал меня, гладил, как это было, по плечам и спине, взлохмачивал длинные волосы.

— Тебе пора, Драко, — а ведь и правда. Уже светает. Время полнолуния прошло, Тео вернется к учебе, но перед этим отоспится и восстановится. Мы с Блейзом и Панси ему поможем, как и всегда. — Если захочешь, приходи, — говорит крестный, улыбаясь такой родной едва заметной улыбкой, лишь приподнимая уголки губ, и растворяется в утренних лучах.

Стоя в тени, пережидая первые, опасные лучи, приносящие мне ожоги и боль, жду время восхода, и как только подходит время безболезненного перемещения под солнечными лучами, покидаю тень, направляясь к Тео, пережидающему полнолуние в сторожке лесника. Хагрид помогает Тео, как помогал Люпину, в год его пребывания в школе. Старик, как и все мы многое пережил, многих потерял, многого лишился. Но только не доброго сердца. Он как и раньше общителен и приветлив. Не помнит зла. Но только его помню я. От этого на душе тоскливо и гадко. И как бы лесник меня не успокаивал, говоря:

— Молодо-зелено, — но кошачьи когти нет-нет да поскребут на сердце. А оправдываться тем, что маленький был — не дело. Все же школьники уже не дети, а все их поступки — это деяния почти взрослого человека. И я несу. Не делом, так словом. Прошу каждый раз у лесника прощения, принимая его улыбку и объятия. Этот раз не стал исключением.

Стук в дверь, приветствие и слова о благодарности за помощь с Тео. А так же слова о деяниях прошлого. Но Хагрид не дает договорить, и прижимает меня к себе, глядя по волосам, как крестный, говорит, что он не держит зла, не таит обиды, и все то, что было — прошло. Просит забыть того меня, напыщенного и зазнаистого, а оставаться таким, искренним и душевным.

— Ладно, — отхожу от лесника, торопя Тео, — Нотт, давай шустрее, уроки через три часа, а тебе еще ванну принимать и зелья пить, — закрывая глаза, зевая и спя на ходу, Теодор собирается, благодарит за приют и идет за мной. Ведь три часа на все процедуры — это катастрофически мало. И если не успеем, будут проблемы, которых нам и так хватает, одна новость о крестражах Дамблдора чего стоит. Так что я торопил друга, по пути рассказывая все то, что узнал от Алиссара. Нотт от такого даже проснулся. Крайне удивился, но отмахнулся, сказав:

— Алиссар разберется. Крестражи и души — его вотчина. Не нам в это вмешиваться, — высказал свою позицию Тео, — если только лично не коснется, а так, пусть сам нити директора распутыва-а-а-ет, — закончил свою мысль зевком, пряча его в ладонь. И я не смог не согласиться, так как кто-кто, а Алиссар, с его-то послужным списком и уничтоженным количеством крестражей, найдет выход из ситуации и разберется с директором и его осколками.

Алиссар

Везение продолжается.

Оказывается, профессор Снейп после смерти от клыков Нагини стал призраком, оствшись стражем пристани. Если бы не крестражи директора, о которых, возможно, знает Снейп, съел бы его. Но, за этим потянется череда событий, меня не устраивающих. Съем душу — расстроится Драко, расстроится — перестанет со мной общаться, перестанет общаться — покинет круг моей собственности, покинет круг моей собственности — распалит Жадность и окажется связанным, окажется связанным.... Но, я так могу долго строить логическую цепочку. Итог же все равно один — призрак профессора есть не буду.

Он мне в этом мире нужен.

— Чем обязан, мистер Алиссар? — спрашивает зельевар, материализуясь прямо перед моим носом, — отужинать пришли? — голова вздернута вверх, как и нос, брови как всегда сдвигаются к переносице, руки скрещиваются так, что широкие, длинные рукава мантии становятся похожими на крылья летучей мыши. Смотрит он, как и прежде, свысока.

— Есть вас, профессор, я не собираюсь. Вредно для желудка, — усмехнулся, забираясь на крышу пристани, — а здесь я для того, чтобы задать пару вопросов. — он растворился и материализовался рядом, но придерживаясь расстояния вытянутой руки. Не сдержал смехок, а так же тягу потянуться и расслабиться, скинуть напряжение. Выпустил свой истинный облик, расправил и опустил крылья, выпустил хвост и рога. Скрывающая сущность печать, давящая на ауру и огонь преисподней, слетела, словно тяжесть с плеч, принося облегчение и свободу.

— Так, о чем вы хотели спросить?

— О директоре Дамблдоре и его крестражах, — не смотря на профессора, лишь на убывающую луну в россыпи звезд. Слова о крестражах директора отозвались в призрачной душе профессора дрожью. Он, как потомок темного рода был в курсе, что такое крестражи и с чем их едят. — Вижу, вы в курсе, что это такое, — не вопрос, а факт, — у лорда их было семь штук. Один из них — я. Вот почему я должен был умереть от его руки, — пояснял профессору то поручение директора, с которым был не согласен Снейп. — Но я не умер легкой, безболезненной смертью от Авады, а подвергся длительным, многочасовым пыткам Круцио, Кипящей Крови, Секо и еще десятку неизвестных проклятий.

— А демоном стали...

— Взмолив кого угодно, чтобы оборвали наконец-то мою жизнь. Думал, Смерть придет и порвет нити души и тела, но нет. Предок была глуха и слепа к моим мольбам.

— Откликнулся демон, предложив сделку?

— Да, — снова усмехнулся, не вдаваясь в подробности какой именно демон пришел на мой зов, — душа и новая сущность в обмен на возможность отомстить. И я отомстил. Сожрал тот огрызок лордовой души, закончив обращение. — даже облизнулся от воспоминаний.

— И что вы хотите от меня, Алиссар? — напомнил Снейп о причине моего визита на пристань. Отринул те воспоминания, предвкушая трапезу куда масштабнее и сытнее, нежели та кроха души, в личеподобном лорде.

— Ответьте на вопрос, профессор. Знаете ли вы что-то о крестражах директора? Чем они могут быть? — профессор на миг задумался, назвал то, в чем я уже осколки директорской души нашел и в создании крестражей убедился, — о них я знаю. Что еще?

— Колокольчики на его бороде. Он носил одни и те же постоянно. Это артефакт-накопитель, сливал излишки и поглощал остатки чьих-то заклинаний. — Колокольчики находятся в гробу, там же где и тело, но для меня это не проблема. Проникну и достану.

— Еще?

— Других предположений нет.

Раз нет, то мне пора возвращаться, но перед этим вернул печать сокрытия на место, снова приняв человеческий облик, без намека на демоническую сущность. Спрыгнул с крыши, махнул на прощание рукой профессору и ушел тенью в нашу с Драко и Блейзом комнату, думать над тем, чем еще может оказаться вместилище осколка души. Два имеем, еще один в перспективе. И того три.

— Да, вот он какой — светлый волшебник! — пробормотал себе под нос, переодеваясь в форму и готовясь к урокам. Но, как говорил мне когда-то Римус, тьма — не значит зло, а свет — добро. Оно и видно.

Алиссар

Заканчивался октябрь, приближался ноябрь, а с ним Хеллоуин и неделя каникул. Профессора и ученики уже предвкушали недельный отдых, я же ждал визита вернувшегося в Англию Сириуса, который коснулся моих демонических радаров, давая о себе знать. Но вместо того, чтобы навестить меня в школе, в которой я хотел остаться и проредить население призраков и надоедливых, через чур болтливых портретов, он позвал меня на Гриммо.

— Ну, Гриммо, значит Гриммо, — не отказывался от возможности пообщаться с крестным на демонические темы без лишних ушей и вездесущих паладинов.

На поезд или к камину, как остальные ученики не пошел. Сказал директору МакГонгалл, что перенесусь аппарацией. Она не возражала, но пыталась уговорить побыть со всеми, среди народа, на их глазах.

— Не хочу, — вот и весь ответ. А после прощание и пожелание счастливого Хеллоуина. Директор проводила меня серьезным взглядом, но настаивать на своем не стала. Поняла, что бесполезно.

Собрал вещи, которые мне потребуются, махнул на прощание Драко и Панси, Блейзу и Теодору, растворяясь в тени деревьев. Тень, стоило мне шагнуть и задать координаты Гриммо, перенесла меня прямо в гостиную, в цепкие лапы Сириуса, заключившего в свои объятия. Из них я вырвался, напомнив крестному, что играть и претворяться, вести себя, как и в года моей бытности человеком, больше не нужно. Я ведь, как и он, более ничего человеческого не испытываю. Лишь демонический зов желудка, да потребность греха, вкушенного первым.

— Точно! Ты не просто демон, а получивший имя и жажду одного из семи смертных грехов! — согласился Сириус, но руку в волосы, как и прежде запустил, взлохматив кудри. — Как теперь мне к тебе обращаться?

— Алиссар.

— Окутанный удачей, значит, — притянул меня к себе крестный, обнимая за шею, ведя наверх по лестнице, — а грех какой? Я — Похоть. А ты?

— Жадность, — скинул руку крестного со своей шеи, поправил волосы и поймал взгляд, который явно не особо доволен моей классификацией, — что-то не устраивает?

— Опасный и коварный грех, — повторяет слова леди Елены, предупредившей меня при нашем с ней последнем разговоре. — Я так понимаю, сделку заключил Гораций? Ведь никто более из нашего с тобой окружения не подвержен этому греху так, как старый зельевар. Жадный до внимания и окружения, наделенного определенными статусами и титулами.

— Да, отныне Жадность мой удел. — Даже отвесил легкий реверанс, — но это лучше чем Обжорство Уизли, Гордыня Грейнджер или Гнев Лонгботтома. Голод меня и так сопровождает, Гордыней и Тщеславием никогда не страдал, а Гневом и Злостью сыт по горло, — показал уровень, где именно сидит во мне этот грех.

— Это твой выбор, Алиссар, тебе с этим грехом жить и его утолять.

— О, да! — слова Сириуса точны и истинны.

Требования греха чахнуть над кем-то или чем-то я уже познал в полной мере. Остается лишь реализовать позывы, но не к спеху. Жадность знает, что объекты принадлежат мне, не

сомневается, а тихо и пока молча капает слюной, подкидывая с периодичностью мысли о том, чтобы связать, ограничить возможность говорить и запрятать от чужих глаз куда подальше.

— Зараза, — выругнулся я, так как по уголку рта скатилась слюна греха, мечтающего повернуть нечто подобное сиюминутно. И зов грешной потребности вел меня в комнату, за запертую дверь. Стоящий в носовых пазухах запах так и манил своей бездонной тьмой души, редким стуком черного, почти мертвого сердца и магической энергией, пронзающей каждое нервное окончание и клеточку тела ледяными иглами, словно воды Хрустального Грота.

— Разделяю твою реакцию, — сказал Сириус, приближаясь к двери, легко постучав трижды, — у меня она была такой же, когда брат пришел в себя, а я получил имя и грех. Ведь душа, пусть и окутанная бездонной тьмой, все же у него есть, — С той стороны послышалось разрешение войти, и мы с Сириусом открыв дверь, прошли в кабинет. Запах и вкус сущности тут же вывел меня из реального мира на пару минут, заполняя каждую клеточку моего естества негой и наслаждением. Аромат и поработощающая глубиной тьмы душа, требовал ее не вырвать из груди и поглотить, а присвоить носителя, сделать частью коллекции.

— Жадность, я так понимаю, — голос, обволакивающий и пробирающий до самых чешуек хвоста, распалил желание еще сильнее.

Захотелось призвать демонический облик, впечатать Регулуса в стену, зафиксировать в захвате это стальное, холодное, словно лед тело. Склонившись над плечом, смаковать и вдыхать запах души и тьмы с каждого миллиметра кожи, отгибая на бок шею, водить носом вдоль жилки с черной кровью, коснуться кончиком языка редко-бьющегося пульса, пробуя на вкус магию. Призвать когти, запустить их в эти лежащие локон к локону волосы. Шипеть и рычать «Мое» на всех, кто помешает.

Но вместо этого, отрешившись от зова Жадности, загнав грех в недра желудка и огня преисподней, обратил внимание на труд Регулуса, которым он был поглощен. Обложившись древними свитками и громадными талмудами, содержащие знания о темных артефактах, Блэк ни на кого не обращал внимания, лишь держал всех в поле своего зрения. Среди вороха свитков и раскрытых на определенной странице книг, нашел ту самую злополучную книгу о крестражах. Рука сама потянулась к ней, а Блэк спросил:

— Интересуют темные артефакты?

— Конкретные темные артефакты, — уточнил, — а именно крестражи, — при упоминании этого раздела темной магии Регулус угробно рыкнул, распространяя вокруг себя миазмы тьмы, пробирающие мурашками удовольствия всю мою демоническую сущность. Сириус видя, что мы с Регулусом нашли общий язык, тут же ретировался, сказав:

— Общайтесь, — с улыбкой закрывая за собой дверь.

А я, не удержав Жадность в узде, таки поддавшись на зов греха, медленно подошел ближе, опустился на край стола, на пустующее место, склоняясь к младшему Блэку, смакуя все еще бушующую магию, бьющую во все стороны своими выбросами. Выпустив когти, подцепив падающие на плечи и спину черные локоны, перебирая их между пальцев, убеждаюсь, что на ощущения они такие же шелковые, как и на вид. Требовательное рычание греха, паразитирующего мою суть, превратилось в довольное урчание. Жадность взяла свое и теперь довольна. Регулус же ни видом, ни словом не выказал сопротивления, лишь спросил:

— Так понимаю, я теперь часть коллекции? — по-прежнему перебирая бумаги и свитки, что-то выписывая и зарисовывая, интересуется Блэк, не поднимая и не отрывая взгляд от книг.

— Я называю эту тягу, живущую в огоньке преисподней — собственностью, но можно и так, — рука и когти более не трогают волос Блэка, сущность не трепещет над запахом и шлейфом темной, как исия тьма души, лишь наслаждается, как и положено, собственническими ощущениями, знанием того, что высший лич отныне и впредь принадлежит мне.

— Называй, как хочешь, мне плевать, — отмахнулся Регулус, — но ответь на вопрос о крестражах. Зачем тебе эти знания? — показал на книгу в моих руках, — что ты там хочешь найти?

— Принцип я уже знаю, лорд тому пример, — Рег снова рыкнул, но уже спокойнее, без выброса магической энергии, — но есть тот, кто усовершенствовал этот ритуал, выявил все тонкости и нюансы, минимизировав отдачу и процент разрушения разума.

— Кто?

— Директор Дамблдор. Два крестража я уже нашел, — Рег таки поднял на меня взгляд, требуя подробностей, — одна висит в коридоре Гриффиндора, вторая в кабинете Кингсли. И что самое интересное, у картины в министерстве два жильца. Отпечаток и крестраж.

— Двойное плетение, — повторил мои слова Регулус, — есть еще подозрительные предметы? Палочка, кольцо, медальон или то, что он носил с собой большую часть времени, или то, что было ему важно, как память?

— Колокольчики в бороде. С ними он не расставался, носил один и тот же набор. А по словам призрака Северуса они еще и артефактами-накопителями были, всасывали магию извне, и излишки из ядра и каналов.

— Сев стал призраком, — это не вопрос, а просто слова, — я — высшим личем, брат — демоном, Римус — покойником, Джеймс — тоже. Люциус? Что с ним?

— Они с Нарциссой уехали во Францию. Сущность не поменяли, как были людьми, так ими и остались, — зато Дракошик... но не говорил Регулусу о Драко, тот и так в курсе. Сириус явно с ним поделился. Но мы отвлекись от важной темы: — Дамблдоровой души, разломанной и помещенной в предметы. — Что еще может быть крестражем? Какой предмет примет в себя осколок?

— Возможно, есть еще какой-то артефакт, которым владел директор, с которым не расставался и часто пользовался, как колокольчиками. — Задумался Регулус, явно вспоминая школьные годы, и все то, с чем у него ассоциировался Альбус. Но в голову так ничего не пришло. Вещей, с которыми бы Дамблдор не расставался, на примете не было. Лишь картины, одну из которых он завещал повесить в министерстве, да колокольчики... хотя!

— Завещание! Вот оно! — догадался я о продуманном на несколько ходов вперед плане директора захватить и в последствии подавить разум держателей крестражей, — Дамблдор, ах, Дамблдор! Какой же ты жук! — улыбался я, предвкушая приближающуюся трапезу его лицемерной душой.

— Знаешь, чем может быть крестраж?

— И не один! — не сдержал от предвкушения гастрономического восторга сущность, выпустил когти, рога и хвост, снова забравшись на стол к Регу, на свое прежнее место, урча от удовольствия, перечислял все потенциальные вместилища. — По завещанию, оглашенного покойным министром Скримиджером, нам достались предметы. Мне — снитч с воскрешающим камнем, Гермионе — книга сказок Барда Бидля, а Рональду — делюминатор, — хвост в такт словам ходил ходуном, когти чесались, а желудок урчал.

Я готов был ринуться за добычей, вырвать их из рук держателей, вырвав хранящийся осколок с мясом. Но не сейчас. Мне нужно знать, сколько их. И вот когда узнаю точное число, соберу все кусочки воедино, сложив пазл, тогда и отужинаю. А пока их в перспективе шесть.

— Одного до лорда не добрал. Ай-ай-ай! — заливисто, утробно смеюсь, покидая кабинет Регулуса, направляясь к себе в комнату. Интересный получится Хеллоуин, да и год в целом. Определенно, скучать в ближайшее время, благодаря седовласой личности не придется.

Алиссар

Каникулы подходили к концу, пришла пора возвращаться в школу, к урокам. Если бы не перспектива перекусить душой директора, а так же парочкой бывших друзей, не вернулся бы. Да и Луна, Драко и Панси нуждаются в присмотре, а то мало ли... Так что собрав всю найденную Регулусом и Сириусом литературу по крестражам, а так же подарок лича призраку, попрощавшись с Регом, напомнив ему о данном демону слове, переступил через тень и оказался в нужное время прибытия учеников с поезда. Меня по пути в общую комнату перехватил Драко и Персефона, рассказывая о процессе варки Бездонного Желудка.

— Процесс запущен. Первый этап пройден, — довольно сказал вампир, смотря в сторону рыжего, идущего с Лонгботтомом и ничего не подозревающего.

За нами шли Теодор и Блейз, погруженные в свои мысли и заботы, но стоило им услышать, что судьба Рональда быть жертвой жидкого проклятия уже predetermined, варка зелья началась, и скоро оно будет испробовано на постоянно-голодном гриффиндорце, включились в разговор, планируя предстоящую сделку с демоном, то есть со мной, за кусок еды, во избавление от голода, съедающего бездонный, подобный Черной Дыре желудок.

— Бездонный Желудок и грех Уизли в моем желудке — это хорошо, — предвкушал я играющую на кончике языка душу Рональда, — но осколок директорской души еще лучше, — слизеринцы не сразу поняли о чем я, и с чего, говоря о Рональде, я заговорил о Альбусе. Пришлось пояснить: — крестражи Дамблдора.

— Ты знаешь, чем они могут быть? — чуть ли не в один голос удивилась Панси и Драко, как и Теодор с Блейзом.

— Знаю. Вспомнил о завещании и оставленных нам троим вещам. А так же картине в министерстве, в кабинете Кингсли. Так что, если все мои расчеты верны, то у Альбуса шесть крестражей. Это две картины, колокольчики для бороды, книга сказок Бидля, подаренная Грейнджер, диллюминатор, оставленный Рональду и снитч, врученный мне с воскрешающим камнем.

— Значит, помимо грешной души, ты стремишься с Уизли и диллюминатор, в котором может быть заключена часть директорской души, — не спрашивала, а рассуждала вслух Персефона, — но у Грейнджер забрать перспективный крестраж быстрее. Все же она под твоим подчинением.

— Заберу. Гермиона сделает в этой партии еще ни один ход. Крестраж же я стремлюсь, но чуть позже. Есть причина, — в мои ходы и планы слизеринцы не лезли, лишь просили держать их в курсе. Им же интересно. Не отказал, мне не сложно ответить на вопросы, если их задают правильно.

Но вопросов у слизеринцев не было, лишь пожелания лицезреть схожую с Гермионой ситуацию полноценного контроля и безоговорочного подчинения. Чтобы Уизли служил и выполнял приказы, стал собачкой на моем поводке, а коротком или длинном по ситуации. Видения и желания, описываемые зелеными студентами, нигде и ничего в моей груди не кольхнули, огонек преисподней не разожгли. Ну, будет и будет. Важна лишь его душа, пропитанная грехом, да осколок директорской души, хранящийся в диллюминаторе. А суэта мирская и человеческая не играет роли. Лишь возможность насладиться радостным видом подопечных.

— Снова гуляете по ночным коридорам! — нарушил мысли голос с претензией, принадлежащий Паладину. Сила светлого мага, яростным потоком направленная на меня, обжигала, заставляла держаться на расстоянии. Мне энергия светлого не приносила непоправимого вреда, лишь жалила, подобно крапиве. И когда профессор Каро не получил ответ, то потребовал его: — отвечай, демон!

— А кто меня спрашивает? Пресветлый Паладин? Или профессор Демьен Каро? — поинтересовался, чуть подавшись вперед.

Выходя из тени, призвав лишь полуоблик, сверкнул на паладина ядовитой зеленью демонических глаз, остротой рогов, белоснежной улыбкой с едва заметными кончиками клыков, царапающими губы, да чернотой загнутых по-кошачьи когтей, вызывая у паладина приступ ярости, играющей на кончике моего языка огнём перца. Даже облизнулся:

— М-м-м-м! Ярость! Не самый любимый грех, но все же...

Не успел я договорить и насладиться ароматом смертного греха, как серебряная вспышка меча осветила темноту ночного коридора, наполняя воздух запахом гнилых яблок. Я успел уйти с траектории меча, но лезвие меня все же достало, оставив рану на плече. Но от нее ничего не осталось. Призвав черное пламя, прижег края, оставляя от пореза лишь корку темно-бардового цвета.

— У вас нет повода на меня нападать, мисье Каро, — улыбка с губ сошла, на смену ей пришел оскал и тень истинного облика за спиной, расправившего крылья. Черное пламя ада, призванное в руку, формировалось в меч, тень же расползлась по груди, спине, плечам, становясь доспехом. — Если Паладин пожелает, то мы сойдемся в битве, — но Каро унял гнев, взял себя в руки и убрал меч. А на прощание лишь фыркнул, напомнив:

— Лишь повод и твоя рогатая голова покатиться по полу... — на этих словах он ушел дальше патрулировать коридоры школы, а я гулять по школе и ее окрестностям, тратя часы на тишину уединения и затаившийся мрак старого замка.

Тень перенесла меня как раз в коридор Гриффиндора, недалеко от портрета директора, чтобы навестить картину и поговорить с куском лицемерной души, на которую нужно постараться, чтобы не капнуть слюной, поглотив крестраж сразу, а не после ее единения с остальными осколками в одном месте. Но я стал вторым визитером к лику Альбуса. Первым оказался Невилл, получающий непосредственные приказы от наставника по мою душу [4] и тушку.

— Невилл, мне нужна незапятнанная грехом и тьмой душа Гарри, — слыша эти слова я откровенно ржал в глубине моей темной, демонической сущности, где не было и намека на душу, — а так же тело, в котором я смог бы возродиться, не вызвав подозрения, — вещал с полотна этот кусок нарисованного недоразумения, сам не понимая с чем он играет, и тем более не догадываясь, кого впутывает в свои интриги. И я не о Лонгботтоме, а о себе. Но, мне же лучше и вкуснее. Есть душу, самостоятельно в меня проникшую, куда удобнее, чем с чем-то связанную. Одержимым я точно не стану, а вот сытым — да.

Видя и слыша данную ситуацию, в голове щелкнула мысль подтолкнуть Невилла к тому, чтобы стать одержимым директорским осколком, но тут же от нее отказался, понимая, что таким образом я душу Лонгботтома не съем. Она отправится на перерождение во владения Хель.

После того, как произойдет разъединение истинного хозяина тела и паразита, питающегося за чужой счет, душа первоначального владельца очистится от скверны и греховного рабства, став мне не интересной. Поэтому, решил придерживаться того самого

плана, как и прежде — стать сосудом для слияния всех осколков директорской души, естественно, с последующим ужином или завтраком, это как повезет.

— Собери все те предметы, о которых я тебе рассказывал и передай их Гарри. Найди слова, чтобы он их принял, и не отказался, — а я не откажусь, приму. А если меня еще и к портрету в министерстве с этими предметами пригласят, то в тот же день, не откладывая на потом, перекушу директорскими крестражами. Но, план чуть отличался от моего желания, пусть и слегка: — он должен носить предметы в течении двух месяцев, не расставаться с ними. Как ты это сделаешь, какие слова подберешь — не имеет значения, — а потом и вовсе меня довел до грани вкусового оргазма, сказав: — хоть Непростительные применяй, — дал директор полный карт-бланш в руки Лонгботтома.

После этих слов Невилла обдал такой мощи Гнев, что от вкуса его греха, острого и жгучего, как огонь в Преисподней, у меня из глотки готов был вырваться столб огня, спалив все на своем пути. Определенно, Гнев — не мой грех.

Получив распоряжения от своего господина, Невилл поклонился и хищно, подобно гиене оскалившись, покинул коридор, направляясь в общую башню для восьмого курса. А я пошел по коридорам школы дальше. Накрывшись пологом полного сокрытия сущности, сливаясь с тенями, видя глазами все то, что видят они, улыбнулся, застав картину весьма интересного содержания.

Стоящий в тишине ночи хруст костей, извлекаемых из еще живого, но уже медленного, остывающего от потери крови тела. Хрип сломанной и вырванной с мясом гортани, бьющихся в агонии артерий, теряющих кровь с невероятной скоростью. Из раскученной грудной клетки раздавался срежет отделяемых от позвоночника ребер.

Ребро за ребром отламывалось и со вкусом обсасывалось, покусывалось и разжевывалось зубами безумной силы и крепости. Рецепторы, в разы усиленные сущностью, задыхаются в стоящем смраде пепла, пропитанного железом. Так для демона пахнет кровь человека, умирающего в мучениях. Уверен, для Повелителя я пах так же.

— Вот теперь я сыт, — сказал ненасытный хищник, закончив свою трапезу пороссячьей отрыжкой и заклинанием: — Эванеско!

Исчезло тело несчастно-убиенного ученика, но не стоящий на том месте смрад жуткой, кровавой смерти, вперемешку с кровью и болью, оставшейся напоминанием случившегося. Пусть я не испытываю эмоций и чувств, но запахи и вкусы, исходящие от смертных ощущаю, а по памяти и воспроизвести могу, хоть и нет необходимости. В чувствах, в данный момент нет нужды, лишь в действиях, которые настигнут обжору, в ближайшее время. Но сперва крестраж, который окажется в моих руках в ближайшее время. А там и до души людоеда дойдет.

Но есть такую душу в мои планы не входит. Лишь погрузить пальцы с черными когтями в грудь, сжать этот склизкий комок души и вырвать с оглушительным воем боли и мольбой пощадить. Наблюдать с упоением, смотря в глаза, наполненные предсмертным страхом, как рвутся нити единения, ниточка за ниточкой, как медленно стихает крик и вопль о пощаде. Слышать лишь хрип, исходящий из глотки, и видеть замедляющееся сердце в раскученной грудной клетке.

— Спать, — сказал обжора в очередной раз рыгнув, а после поглаживая с упоением свой живот, уговаривая урчание бездонного желудка отступить и переварить то, что уже попало внутрь, — завтра, — обещает людоед своему неустанному голоду, направляясь в коридор Гриффиндора, а оттуда в башню восьмого курса. Я же, проводив его взглядом с

помощью теней, вернулся в нашу с Драко и Блейзом комнату, говоря блондину с порога:

— Зелье не нужно, — сидящий спиной к спине кровати Драко в шоке интересуется, по какой причине, что такого произошло, раз я отказываюсь от своего же плана, но я не ответил. Лишь сказал: — это усугубит ситуацию, — и большего от меня вампир и сирин не добились, так как я просто ушел в ванну, прихватив пижаму и полотенце. Вода всегда помогала расставить мысли по полочкам. Этим я и собирался заняться — подумать.

Драко

Почти месяц варки сложного состава пошел книзлу под хвост. Планы демона, резко, в одночасье поменявшиеся, вызвали у меня желание одолжить у Полумны серебряный меч и выбить дурь из рогатой головы. Но после длительных, утомительных расспросов и допроса по-маггловски, с пристрастием, Алиссар все же ответил, почему зелье «Бездонного желудка» уже не нужно. Так, как надо вопрос задала Панси, спросив:

— Говори, рогатый, что с шестым Уизли не так? — указала она пальцем на стол Гриффиндорцев, у которого стоял улыбающийся и довольный предатель крови в компании своей похотливой сестры, притихшей Грейнджер и Лонгботтома, задирающего нос до самых небес. Алиссар, смотря в его сторону, пробуя усиленными рецепторами сущности уизливской шлейф души, едва сдержал рвотный позыв, резко отворачиваясь в сторону.

— Не только с Рональдом, — сказал демон, показывающий на Джиневру, — вся их семья — это отдельно-взятый смертный грех. — Каждое слово из Алиссара приходилось выбивать, говорить о том, что узнал и явно увидел, он не хотел. Почему? Узнаем.

— Подробнее! — закипала от злости Персефона, переходя в полурежим банши. Тот факт, что демон не говорит сразу, а молчит и выдает информацию порционно, злил Панс. Не сдерживая сущность и ее гнев, глаза девушки потеряли белизну белков, их заполнила тьма, на руках проявлялись когти, черной чешуей тянувшиеся вдоль пальцев к запястьям, волосы и кожа теряли цвет, белели на глазах.

— Панс, остынь, — опустил руку на плечо девушки, прижимая ее к себе, успокаивая, шепот в ухо: — он все расскажет. Ведь так? — спросил, а демон не отрицал, кивнул, продолжая рассказ:

— Расскажу.

По воле теней в руках демона оказался фолиант, помеченный руной «Запрет» из соответствующей секции школьной библиотеки. Страницы книги открылись там, где надо, указывая на историю, уходящую далеко в прошлое, еще до Основателей и школы Хогвартс. Суть о печати «Предатель Крови», забытая в веках. То, что она дает при определенных обстоятельствах, когда накладывается на магическую семью за совершенный грех против Магии и ее законов.

— Давно, когда в маггловском мире во всю бушевали религиозные становления, велась борьба верующих за своего Бога и его истинное слово, шла неустанная Охота на Ведьм, жгли костры Инквизиции, и на каждого третьего ложилось клеймо грешник и еретик, в магическом народе стала ходить история о последователях, продвигающих свое вероисповедание — смертный грех. Кто-то скидывал вину на нас, демонов, а особенно на князей Ада, кто-то на человеческие души и сердца, породившие своими словами созданий, именуемых смертными грехами во плоти. Но доказать причастность демонов, да и человеческих фантазий, так и не смогли. А воплощались грехи, лишь в волшебниках. Понять, почему это так, смогли не сразу. После длительных исследований магически-одаренных людей тех лет, было выявлено, что проявлялись смертные грехи и все последующие стадии развития в телах тех, кого Магия клеймила «Предателем Крови».

— То есть, ты хочешь сказать, что каждый, несущий клеймо Предателя, несет еще и один из смертных грехов? — не понял Нотт, к чему ведет Алиссар и его история о

воплощенных грехах.

— Алиссар, поясни нам, непонятливым! При чем тут Уизли, его грешная душа и отмена Бездонного Желудка? — Просил Забини, показывая на Рональда. Алиссар, если бы нуждался в воздухе, то тяжело вздохнул, если бы имел возможность чувствовать и удивляться, закатил глаза и начал бы эмоционально вещать о нашем непонимании серьезности ситуации, но он лишь скрестив руки на груди, хмыкнув, ответил, смотря на рыжих Предателей крови:

— Чтобы грех не просто жил в душе волшебника, толкая носителя в пропасть медленными шагами, а захватил его тело, разум, поработил душу и естество, сделав себе подобным, почти аватаром, нужно два условия: — отсутствие раскаянья в своих поступках перед магией и предками, а так же темный источник рядом. И при этом не важно, что именно будет нести тьму. Это может быть камень рода, волшебник, предмет, содержащий оскверненный запретной магией осколок души...

— ... демон, гуляющий неподалеку, — но тут Панси не угадала.

— Нет. Я тут не при чем. Моя тьма иного рода, тут же имеется в виду тьма смертного мира, а не загробного. — Пояснил девушке Алиссар, продолжая рассказ о воплощенном в Уизле грехе. — Раскаиваться перед предками Рональд не собирается, так как не видит причину, по которой это необходимо сделать, не считает себя виноватым. А тьму, которая является вторым условием, несет на себе крестраж директора, хранящийся в диллюминаторе.

— Если бы не крестраж Дамблдора, то Уизли был бы простым обжорой, с налетом смертного греха на душе? — уточнил Нотт, интересуясь еще и Уизлеттой: — А Джиневра? Насколько я помню, она так же контактировала с крестражем, но с лордовским. Она тоже?

— Скорее всего, — пожал плечами Алиссар, отмахиваясь от девушки и ее души, окутанной Похотью, — ее грех и душа мне не интересны. И даже если она такое же воплощение греха, как и Рональд, опасности от нее я не вижу.

— А остальные Уизли? — задается вопросом Забини. — Каким грехам они подвержены? — Алиссару уже откровенно надоело обсуждать рыжую семью, видел, как демон ждал момента, чтобы закончить этот разговор и уйти по своим делам.

— Плевать! Их грехи не воплотятся, не займут тело, как в случае с Роном, — ответ и рассказ демона приняли все, и хотели расходиться по дополнительным урокам, ведь обед закончился, как Панс напомнила еще один момент, который мы все опустили и как-то забыли:

— Ты так и не сказал, почему поменял план? Какая стадия у Уизли?

— Хм, — улыбнулся уголками губ демон, говоря: — а я-то думал, не спросишь, — но Панс не забыла и ждала ответа: — последняя Панси. По человеческим меркам у него все печально и судьбою предрешено, — на этом все объяснения подошли к концу. Демон дал понять, что более просвещать нас на данную тему не намерен. Нам же осталось лишь гадать и наблюдать за парочкой рыжих магов, а так же строить предположения, какими грехами были наделены остальные Уизли, клейменные Предателями.

Как по мне, мамаша Молли — неумная зависть, готовая даже убить, лишь бы стереть хоть крохи напоминания мозолившего глаза объекта. Глава семейства — лень в чистом виде, стопроцентное уныние, а с ним и отсутствие желания что-либо делать. Не ручаюсь за старших братьев Билла и Чарли, но Персиваль — гордыня, которая точила его душу до самого последнего вздоха. Близнецы — это жадность в квадрате, так как их было двое. Но, судя по закрытому магазину шуток и пропавшему с радаров Джорджу, раскаяние все же очистило душу, разум и сердце, стерев и грех, живший в нем все это время.

— Последняя стадия, значит, — шепотом сказала Панс, смотря на рыжего обжору, уничтожающего за считанные мгновения, с поразительной скоростью огромную тарелку с жареными ножками, крылышками и копчеными колбасками. Что такое последняя стадия греха Чревоугодия, поведала книга, а так же истории одержимости этим грехом у магов прошлого.

Последняя стадия — это каннибализм с последующим поеданием самого себя. Волшебник, несущий активированный грех Чревоугодия не может насытиться, вся еда для него теряет краски, становится безвкусной, как сено. Желудок же продолжает требовать насыщения, точа разум безудержным голодом. Заставляет совершать поступки, не присущие человеку, лишь зверю. Охотиться, убивать, есть сырое мясо, ломать зубами кости, обгладывая их, высасывая костную жидкость. Дальше больше. Голод не ждет смерти, а требует плоть, кровь и требуху у еще трепыхающейся жертвы, чтобы слышать в процессе ужина пока что живое сердце, качающие воздух легкие, ловя на себе в эти моменты молящий взгляд сладких, как пастила глаз, тающих соком на губах.

Но и этой стадии упоения приходит конец. Чревоугодие в итоге будет требовать и требовать утолить этот безудержный голод, заполнить ту черную дыру Бездны, что поселилась в желудке. И даже плоть человеческая, наполненная предсмертными страданиями и болью станет безвкусной, пресной. А с урчащего голодом желудка, сводящего разум с ума, грешник начнет грызть свои же пальцы, в последствии съев себя же...

— Хватит, — на этом книгу мы закрыли и убрали в сумку, чтобы потом отдать ее Алиссару. А сами пошли на дополнительные занятия, догоняя демона у кабинета Зельеварения. Тему грехов и печати мы забыли, на время. А что делать с Уизли и его каннибализмом, пусть решает Алиссар. Души и грехи — его вотчина, мы лишь советники и наблюдатели.

Алиссар

Грех Рональда дошел до критической точки раньше, чем я поглотил его душу. Думал, что у него есть еще пара лет до полного погружения в Чревоугодие, но, как оказалось, даже двух недель нет. А причина — крестражи Альбуса, которые влияют на Уизли и его грех куда мощнее и прогрессивнее, чем куски души лорда. Реддл, по сути, тоже грешник, возомнивший себя Дланью Судьбы, а так же бессмертным, возрождающимся, как феникс из пепла. Дамблдор другое дело. Его крестражи направлены не на возрождение с помощью какого-то ритуала, а на паразитизм и захват чужого тела, разума и магического источника, с последующим поглощением души владельца тела.

Этот бородатый кусок дерьма все давным-давно просчитал и продумал. Создавал крестражи, подготавливал почву, чтобы стать кем-то другим. И его полет с башни тоже часть плана по перерождению и становлению Героем и Избранным, то есть мной. Но он не учел появление Повелителя на игровой доске, и перевоплощение меня в демона. Так что гениальный план Альбуса пошел крахом, а все из-за той же Гордыни, которая застила ему глаза, дав верование в то, что все пешки под его контролем.

— Алиссар, это то, о чем я думаю? — спросил Драко, толкая меня в бок, показывая на переполошившуюся МакГонагалл, всех профессоров, старост факультетов и Филча, организовывающих поиски старосты Гриффиндора. Он не пришел с патрулирования коридоров, в комнате его нет, в ванной старост, библиотеке, на смотровой башне Астрономии, на окраине Запретного Леса тоже, его вообще нигде нет, он даже на Патронус не отвечает. В связи с этим на сегодня и завтра отменили уроки, приказав тем, кто не состоит в поисковой группе вернуться в свои комнаты.

— Так вот кого сожрал Уизли, — шепот Панси и злой, прожигающий взгляд в спину рыжего волшебника, делающего вид, что он так же переживает, как и все, готовый помочь и вступить в ряды поискового отряда. Она готова была сиюминутно ринуться на него, утащить в темное, недоступное место и убить самым жестоким способом, перед этим пытать, когтям рвать плоть в лоскуты. До оглушительного, пронзительного хруста ломать кости, ощущать радость от закладывающего уши крика боли, чувствовать на губах и в глотке привкус железа от пролитой крови. Это же желание было и у Драко, Нотта и Забини.

— Лицемер! — зло плюнул Нотт, покидая Большой Зал, направляясь в башню восьмого курса, прихватив с собой Забини.

Драко с Панси так же покинули Зал, присоединившись к слизеринцам. А я шел к директору МакГонагалл, чтобы шепнуть ей на кого стоит обратить внимания, как меня позвал профессор Каро, приглашая на разговор, явно суливший мне обвинениями в пропаже. Отказать в разговоре Паладину, значит, подтвердить его подозрения в обвинении, так что я шел за ним, в коридор аудиторий. Он не спешил предъявлять мне претензий, обнажать меч и навязывать бой, лишь спросил:

— Это ты?

— Нет, — и это правда. Демоны никогда не врут, говорят правду, чаще всего завуалировано, ту, которую хотят услышать смертные, или же отказываются отвечать вовсе. Паладинам это хорошо известно, поэтому, услышав конкретный ответ, без лишних слов, Каро задумался, рассуждая и предполагая:

— Но не мог парень просто так пропасть посередине дежурства, тут явно что-то не так, — и все равно, мысли и рассуждения привели ко мне: — ты — гуляющий по ночам, неужели ничего не видел, не слышал? Тени — твои глаза и уши, они должны докладывать обо всем. Так как?

— Задайте свой вопрос правильно, профессор Каро, тогда и отвечу, — паладин зло цыкнул, и сократив в мгновения ока между нами расстояния, схватил меня за галстук, сталкивая с ближайшей стеной. Был бы человеком, было бы больно, но мне даже не щекотно, — таковы правила, светлый! — не сдержав улыбку, оскалился, сверкнув ядовито-зелеными глазами, обжигаясь огнем преисподней о его серебром окутанную душу. — Ваш вопрос, пресветлый!

— Что случилось с парнем? — звуки и слоги выходили из его рта с трудом, он переступал через себя, задавая этот вопрос. Но при этом руки с моего галстука не убрал, все так же припирал меня к стене, требуя ответа.

— Съели, — получил он ответ на заветный вопрос.

— Кто?

— А это уже второй вопрос, профессор, — ему мой ответ не понравился, как и промедление, поэтому профессор стал призывать святую силу, используя для этого не клинок, а кулак. Кожа, окутанная серебряным изгнанием и очищением болезненно обжигала, но пока терпимо, — вопросов осталось два, — напомнил о еще одном правиле разговора с демоном, в котором он, то есть я, отвечу честно и точно лишь на три вопроса подряд. Конечно, по сути, нужен ритуальный круг и призыв, с принесенным демону даром, но опустим формальности и дополнения, перейдем к сути — трем вопросам. Каро согласился с условиями трех точных ответов, а я сказал: — Рональд Уизли, — и напомнил: — это второй вопрос. Перед тем, как задать третий, подумайте, сформулируйте.

— Сформулировать, говоришь, — рыкнул Каро, отпуская мой галстук, отходя на несколько шагов в сторону. А я, поправив воротник и галстук, шел вперед. За мной паладин, думающий над ситуаций, в которой мог оказаться Рональд. Рассуждал он вслух: — темной тварью он не является, — уточняя, — его я проверял. Значит, тут дело в чем-то другом. Едят людей не просто так, те же оборотни. А каннибалами становятся по ряду причин.

— Каких же, профессор? — я не помогаю, лишь наталкиваю на мысль и стимулирую размышления. Рон и его грешная душа, погрязшая в Чревоугодии мне более не интересна. Так что пусть справляются с Обжорой смертные, своими силами и способами. Суд, казнь и костер, с развеивающимся по ветру пеплом.

— Условий может быть два. — Рассуждал Каро, — первое — это проклятие, несущее название «Бездонный Желудок». Оно двух уровней, с безудержным голодом и постоянным уничтожением еды в безумных количествах, и плотоядная, с исходом каннибализма. Второе — это грех Чревоугодия, окутывающий душу. Но у греха, чтобы перейти в эту стадию так же есть условия. Первая — печать Предателей Крови, вторая мощный источник темной, даже черной энергии, толкающий носителя печати к людоедству. Лишь при этих условиях грех Чревоугодие становится канниализмом.

— Так, каков ваш вопрос, мисье Каро?

— Что за черная магия подтолкнула грех мистера Уизли к каннибализму?

— Крестражи, — паладин, как только услышал заветное слово — застыл, на лице промелькнул не просто страх, а ужас, который пронзает иглами извечного льда каждую клеточку тела, заставляя холодеть от кошмара кровь в венах. С лица сошла краска, сделав

кожу мертвенно-бледной. — Вижу, профессор Каро в курсе, что такое крестраж и с чем его едят, — тот отмер и пошел вперед.

Цель одна — отправить в небытие Уизли. Но не факт, что паладину дадут просто так убить Героя Магической Войны. Понимал это и Каро, но долг перед Светом и магами превышает фактов и уж тем более титулов, дарованных смертными. Поэтому Каро и шел к поисковой группе во главе с директором МакГонагалл. Помогать паладину в мои планы не входило, это ведь его работа, а не моя. Но чтобы получить крестраж директора, хранимый в диллюминаторе, нужно избавиться от держателя, то есть от Рональда, не выпускающего его из рук.

Вещица, блестящая и забавная, а так же явно сдобренная какими-то Чарами, не позволяющими от нее отвлечься, или о ней забыть, так и тянула руки хранителя, звала её воспользоваться. И Рональд ей пользовался, тем самым накликав на себя беду. А так же на Джинни. Ведь ее грех Похоть, так же может обратиться в последнюю стадию — Суккуба. Но в данной ситуации важнее Рон и его Чревоугодие, забравшее чужую жизнь, чем Похоть и смерть от истощения.

— Ваши действия, профессор?

— Раскрыть мистера Уизли, — я приподнял бровь вверх, проявляя интерес к способу, которым воспользуется паладин, — остальное тебя, демон, волновать не должно, — пожал плечами, мол, и не напрашивался, но он добавил: — если только ты не претендуешь на душу Рональда в качестве ужина.

— Нет, увольте, — отказался, — душа, окутанная грехом Чревоугодия — одно, но им поглощенная и поработанная — другое. Такую душу решится съесть разве только герцог Вельзевул. И то не факт. Куда уж мне, простому демону? — усмехнулся, а паладин, стиснув зубы и туша Гнев в душе, шел вперед, по коридору, к лестнице. Я шел за ним.

Группу поиска мы с профессором догнали быстро. Обеспокоенные учителя и старосты с директором во главе обговаривали варианты, где бы он мог находиться, уточняли у его друзей и девушки, не забыли ли они о чем-то, уточняли, все ли обошли, но по словам друзей и девушки они были везде, где мог быть их друг. Хотел предложить посмотреть в желудке Уизли, но Каро меня опередил. Меч серебряной вспышкой блеснул в полутьме коридора, оказываясь у шеи Рональда. Жар светлой энергии, уничтожающей зло и тьму опалил огнем праведного пути, угрожающе шипя и обжигая кожу.

— Мистер Рональд Уизли, вы обвиняетесь в грехе Чревоугодия последней стадии! — ступор, шок, ужас и паника. Именно в такой последовательности сменились эмоции на лицах старших, когда они услышали выдвинутое Каро обвинение.

Реакция профессоров и директора дала понять, что они знают, о чем идет речь, и что такое грех Чревоугодия последней стадии. Не понимали о чем речь только студенты, переглядывающиеся и перешептывающиеся между собой, ожидающие пояснений Каро. И он пояснил, но не словами, а действиями. Призвав светлую энергию, паладин читал заклятье, больше похожее на молитву изгнания. Волна серебряной энергии прошла и через меня, принося крайне неприятные ощущения, но блок сущности под ее натиском не слетел, лишь слегка треснул, выпуская на волю глаза с вертикальным зрачком и черные когти, мой тут же спрятанные.

С Уизли же происходили жуткие, для взгляда смертных метаморфозы. Перекосилось лицо, разорвалась по швам до ушей челюсть, оголились 32 заостренных зуба, вывалился длинный, склизкий язык. Вытянулись руки и пальцы, став похожими на ветки Дракучей ивы,

да и сам Рон стал намного выше. Одежда порвалась и висела лохмотьями, оголяя впалый живот, в котором проявлялся рот греха, точка клыкастую челюсть, смыкающуюся в голодном приступе, облизываясь на всех присутствующих языком кишок.

— А-а-а-а! — вырвалось из голодной глотки Уизли вместе с мощным потоком энергии, прижимающей всех к полу, а паладина откидывая назад, к стене и там же оставляя, без сознания. Ученики, видя Рональда в таком виде, распускали флюиды страха и паники, тогда как профессора и директор заманчиво пахли гневом, желающим уничтожить того, кто убил во имя своего греха и потребностей желудка. Я же высказал свою реакцию на действия Каро:

— Идиот, а не паладин. Воплощенный грех только заклинанием Адского огня, да пламенем Преисподней уничтожить можно, — сказал, привлекая внимание Уизли к себе этими словами. — И теперь миссия по уничтожению ляжет на мои плечи, — ученики и профессора смотрели на меня с просьбой помочь и избавить Рона от страданий, а так же свершить правосудие во имя покойного. — Благотворительностью не занимаюсь, но, видимо придется... — так как Чревоугодие, окончательно воплотившееся, шло на меня с определенной целью — сожрать!

Алиссар

Грех, почти полностью захвативший Рональда, разинувший пасти, шел на меня. Убивать его так сразу не стану, иначе меня раскроют. Поэтому, чтобы не привлекать к моей демонической сущности внимания, использовал человеческую магию, но широкого спектра действия, то есть накрыл всех куполом сон-чар. Директор, профессора и ученики ничего не успели сделать, как оказались спящими, а с помощью теней перемещенными в лазарет. Паладин же остался там, где был — у стены. Сознание к нему должно вернуться в течение пяти минут. Ну, а пока...

— Поттер! — рычал воплощенный. Разъехавшаяся до ушей по швам челюсть, острые зубы, вываливающийся, длинный по-лягушачьи язык делали речь едва разборчивой. Клацающая клыками-ребрами, облизываясь склизким языком из кишок и капая голодной слюной, двигаясь мне на встречу, говорил: — Дружище... я такой голодный! Накорми меня... — драматическая пауза, — ...собой! — и тут же, резко сократил между нами расстояние.

Среагировать я успел моментально, от языка и челюсти уклонился, от длинных, тонких пальцев тоже, как и от ненасытного желудка, сомкнувшего клыки в пустом месте. От неудачи и сбежавшего ужина, Чревоугодие взревело и разозлилось, предпринимая очередную попытку сожрать ускользящую добычу. Только и в этот раз грех остался ни с чем, при этом требуя:

— Куда же ты убегаешь, дружище? Дай мне съесть тебя! — и очередной рывок вперед. Желудок, разинув костяную пасть, демонстрируя черную воронку голода, вопил на весь коридор. От вопля и голодного разочарования воплощенного греха во все стороны расходились волны магической энергии, словно ураган, снося все на своем пути.

— Надо заканчивать. Ничего интересного я не увидел, — решил для себя, призывая полный демонический облик. Ко мне вернулись мои крылья, хвост с кисточкой на конце, черные, по-кошачьи загнутые когти, тонкие, острые рога, ядовито-зеленые глаза с вытянутым зрачком, а так же покрывающая руки, плечи, спину темно-зеленая чешуя, тянущаяся вдоль позвоночника к самому копчику.

— Демон! — вопит грех, понимая, чем ему это светит.

— Именно, — говорю, призывая в руку черное пламя, формируя его в меч. Клинок в руке, окутанный демоническим огнем, встречается с костяными клыками желудка. Клыки сомкнулись на лезвии в надежде сломать оружие, способное уничтожить воплощенца, но демоническое пламя опалило пасть, принося боль греху, захватившему тело.

— А-а-а-а! — крик и злость, распространяла с еще большей силой волну энергии, привлекая внимание других.

От оглушительного воя и мощной энергетической волны, расходящейся вокруг голодного Чревоугодия, проснулся Каро. Все еще пошатываясь, держась за голову, он призвал в очередной раз серебряный клинок, совершенно бесполезный в этом деле. Против демонов, темных созданий, как банши, лич, оборотень и вампир — сработает со стопроцентной точностью, не оставив от создания и следа. Но воплощенный грех... на него не подействует.

Удивительно, что такой матерый, закаленный боями и сражениями паладин, прошедший две магические войны не знает об исключениях влияния серебряного клинка.

Или он, как Локонс, только трепаться, и языком чесать готов, а все подвиги и заслуги позаимствованы у других, или же он в своей школе паладинов был троечником и прогуливал «Аспекты влияния святого оружия на темных тварей»[5]. Кто знает, что у них там, у паладинов в голове. Только факт остается фактом, стоило серебряной вспышке пронестись навстречу, взревел грех с еще большей силой.

— Бесполезно это, — сказал я, формируя меч в косу, заводя ее за спину, — только Адское пламя, да демонический огонь. стыдно такого не знать, паладин! — на мои слова Каро не ответил, лишь фыркнул и показал на воплощенного. Я же, улыбнувшись белоснежным оскалом, растворился темно-серым туманом, атаковав грех, нанося ему десяток молниеносных ударов, оставляя черные ожоги, и расходящееся по телу пламя.

Каждый порез косы, сдобренный огнем преисподней, оставляет язычок пламени в ране, сжигая объект изнутри, поджаривая до хрустящей корочки. Грех, захвативший тело — горел, душа, поработанная голодом Чревоугодия — металась в диком приступе и предсмертной агонии. Но чтобы уничтожить воплощенного окончательно, меча и черного пламени мало.

— Профессор Каро! Колдуйте Адское пламя! — паладин убрал серебряный клинок, извлек из перевязи палочку и произнес формулу. Я же, чтобы не повторилась история с Выручай-комнатой, накрыл часть коридора демоническим барьером, оставляя в серо-прозрачном куполе лишь нас троих.

Поток пламени, сродни огоньку в моей груди, обрушился всей своей мощью на воплощенное Чревоугодие. Грех пытался вырваться и сбежать, последний раз атаковать в надежде сожрать хотя бы паладина. Но к Адскому пламени в дуэтном танце добавился вихрь демонического огня. Сливающиеся воедино потоки черного и алого пламени сжигали сосуд голода до костей. Через несколько секунд от тела Уизли не осталось даже пепла. Лишь душа, серо-прозрачная, зависшая в воздухе.

Отозвав демонический облик, снова накинув человеческую личину, уничтожил остаточную энергию моего пламени и последствия Адского огня, стирая копоть и гарь с потолка, пола и стен, возвращая коридору прежний вид. Каро же, как судья светлого пути, в очередной раз призвал серебряный клинок, чтобы отправить душу Уизли в небытие. Лезвие уже летело к полуматериальной шее призрака, но застыло в миллиметре:

— Гарри, прости! — произнес бывший друг, падая на колени, поднимая на меня взгляд полный раскаяния. И вот тут я понял, что попал.

Как только он это сказал, за его спиной раскрылась воронка потустороннего прохода, означающего, что он отправится не в ад, как грешник, а в рай, как раскаявшийся. В моих ушах, стоило воронке в чертоги Хель раскрыться, раздался оглушающий собачий вой. По позвоночнику, до самого копчика пробежался холодный пот и толпа мурашек, а тень моя приобрела облик трехглавого цербера. Это значило только одно — я принял бразды этого самого титула. А всему виной раскаявшийся в своих грехах Уизли.

— Пошли, — махнул ему в воронку, — тебя простили, людоед! — хотел пнуть его под зад, но не стал. Он сам пошел, с опаской оглядываясь по сторонам.

Рональд, как только полностью переступил воронку, оказавшись в белоснежном коридоре, растворился белой дымкой. Я же остался, так как воронка перехода в мир живых закрылась на моих глазах. Понимал, что не просто так. Меня явно на разговор хозяйка местных владений оставила. Не сопротивлялся, а ждал Хель, которая появилась через пару минут после того, как Уизли растворился и отправился в отведенное ему место.

— Алиссар, рада видеть тебя в своих владениях! — ничего на это не ответил, лишь

хмыкнув, ожидая разговора, ради которого меня задержали в чертогах Смерти. — Разговор о твоём статусе Цербера, который ты получил за то, что очистил грешную душу, в последствии раскаявшуюся. Вижу, ты не удивлен, — смотрит на меня Хель такими же, как мои, ядовито-зелеными глазами.

— Не удивлен, — ответил Смерти, показывая на свою тень, — она меня оповестила, как только Уизли попросил прощения за свои поступки.

— Думал, его Люциферу отдать?

— Планировал. Но раз Рональд раскаялся, то его душа и дальнейшее решение о перерождении ваша забота, — хотел откланяться, начертить тьмой круг переноса в мир живых, как Госпожа Грани меня остановила, сказав, что разговор о моем статусе Цербера еще не окончен. Необходимо уточнить обязанности. — И какие же они, Госпожа?

— Все просто. Твоя вотчина, как Цербера — Британия, территория других стран принадлежит другим стражам. Души, окутанные грехом, не раскаивающихся в своих поступках магов, магглов, магиков, ты отправляешь Люциферу, а таких, как Рональд — ко мне.

— И правда просто, — усмехнулся я, призывая тьму, рисуя круг переноса, оказываясь в школе, в том же коридоре, что и до визита за Грань.

Там меня ждал Каро и Полумна, отреагировавшая на эманации демонической энергии и миазмы воплотившегося в теле греха, прибывшая к месту завершённого боя, а так же профессор Флитвик и директора МакГонагалл, покинувшие лазарет. Флитвик рассказывал бывшему декану Гриффиндора о случае на его уроке и выпущенном мной Цербере, напомнив о том, что сей вид значит. Директор, как адекватный волшебник и здравомыслящий человек, приняла тот факт, что я сменил облик с человеческого на магиковский, став Цербером на службе Госпожи. Поздравила с достойным званием стража Смерти. К ней присоединился с поздравлениями и профессор Флитвик:

— Мистер Поттер, вы заслужили этот пост как никто другой. Госпожа отметила вас и ваши поступки.

Не стал разочаровывать профессора, говоря, что мне этот пост и даром, и с привилегиями не нужен. Но выхода, как говорится, у меня не было. Сам виноват, не досмотрел. Надо было Каро отдать право убить Уизли и очистить его от греха, но для скоро и надежного эффекта влез и слил его огонь со своим пламенем, получая последствия в виде обременительного титула.

— Теперь ты на службе Смерти, поздравляю. Но у нас есть еще дело, — шепнула мне Полумна, улыбаясь и отводя в сторону для разговора на оставшуюся актуальной тему, — крестражи директора, — и показала диллюминатор Рона. — Я нашла его в углу. Скорее всего, он выпал из кармана, когда Обжорство взяло контроль и захватило тело. В нем есть осколок души? — спросила девушка, протягивая мне предмет. Едва коснувшись, втянув энергетический шлейф предмета, уловил лишь артефактную составляющую, но никакого намека на оскверненный черной магией кусок души.

— Значит, осколок нашел живого носителя, — и на этих словах разговор с девушкой закончил. Она же поняла о чем идет речь, но не спрашивала о моих действиях, не вмешивалась, так как знала, что я не упущу шанс полакомиться душой директора Дамблдора, окутанного тьмой ритуальных убийств. А способ, которым я воспользуюсь — не важен, лишь результат.

Алиссар

Кусок души из диллюминатора был поглощен. Кем? Не сложно догадаться. Как и просчитать дальнейшие действия носителя. Этого я и ждал, прогуливаясь по коридорам школы, навещая адекватных призраков и стражей факультетов, предупреждая их об предстоящей битве с одержимым, по просьбе леди Елены. Реакция у призраков была разная, кто-то готовился сойтись в поединке насмерть, кто-то возмущался и выказывал будущему бунтарю неуважение, а кто-то молился за упокой души и прощение Всевышнего. И лишь один призрак, новоиспеченный страж пристани, был в своем репертуаре:

— И что вы хотите от меня, Алиссар? — привычный тон и поднимающаяся вверх в изгибе черная бровь, а так же сложенные на груди руки, дали понять, что призрачный профессор, как и прежде примет удар, каким бы он не был.

— Ничего, профессор, просто предупреждаю по просьбе леди Елены. По мне, пострадают призраки или нет, не важно. А за вас просил еще и Регулус, — протягиваю ему подарок, созданный личем, — этот артефакт привяжет дух к любому вашему портрету, позволив становиться материальным. По словам Рега, вы будете обладать физической формой ровно столько, сколько продлится заряд артефакта, потом нужна будет подпитка.

— Регулус? — не был бы профессор призраком, побелел бы, но его удивление и паника, которая играла на лице сдвинутыми к переносице бровями и округлившимися глазами, а так же губами, сведенными в тонкую ниточку, дала понять, он не в курсе, что Рег жив.

— Он жив, профессор, — уточняя, — в той или иной степени, — не вдавался в подробности, но Снейпу этого и не нужно. Он просто принял артефакт, спросив, кем для меня является Регулус. Ведь не просто так я выполняю его просьбу и передаю артефакт. На его вопрос ответил вопросом: — что вы знаете о демонах, профессор? О нашей сущности и потребностях? — рассказывать и отвечать на вопросы в мои планы не входило, а вот подтолкнуть к размышлениям и самостоятельным ответам — да.

— Не многое, Алиссар. Лишь то, что вы почти бессмертны, питаетесь душами, ощущаете грехи человеческие запахами и вкусами. Чувства и эмоции вам не ведомы. И что каждый демон — это последователь одного из семи грехов. Грех, к которому привязан демоном, становится его кредо до конца дней.

— В принципе, все так, как вы и сказали. Я почти бессмертен, чую, окутывающий человека или мага грех вкусовыми и обонятельными рецепторами, и душами питаюсь.

— А ваш грех?

— Жадность, — профессор ухмыльнулся, а я и сам понял причину, по которой он так отреагировал. — Да, кто бы сказал, что я, выросший в чулане под лестницей, буду жадным, не поверил бы. Но это так. Только жадность выражается не в материальном благе, а в эмоциональном. — Снова взлетевшая вверх бровь, а соответственно вопрос, что я имею в виду, — Души, на которые я смотрю не с гастрономическим интересом, а с эстетической точки зрения, в духовном аспекте. Если проще, переводя на язык людей, мне приятно в их компании находиться. Носители таких душ попадают в лапы Жадности, и становятся частью коллекции. Жадность, а с ней и я, считаем этих магов или маговиков своей собственностью.

— А переводя на язык людей — подопечными. И я так полагаю, Регулус стал частью вашей коллекции. — Это не вопрос, а утверждение. — Именно поэтому вы и принесли мне

артефакт, — подвел итог Снейп, соглашаясь с тем, что просьбу такого рода выполнить для меня не зазорно. — Передайте Регу при следующей встрече спасибо и привет.

— Передам. Темной ночи, профессор, — и растворился в ближайшей тени, оказываясь в коридоре Гриффиндора, у картины директора Дамблдора, с которым разговаривал Невилл.

О чем был их разговор, я не разобрал, лишь повышенный тон Лонгботтома и миролюбивый директора, успокаивающего взбешенного до предела Невилла. Его Гнев так и жег кончик языка острой перца Чили, огонь которого не потушит даже молочная Лень. Определенно, грех на любителя. То ли дело Жадность и приятная кислота цитруса. Но, гастрономические предпочтения отошли в сторону, когда я услышал голос директора, обращающегося ко мне с картины:

— Гарри, мальчик мой, что ты там стоишь, как не родной? Присоединяйся к беседе. — Что и следовало ожидать от набирающего мощь крестража, уже питающегося душой и энергией добровольного держателя, то есть Лонгботтома. Невилл же, как и Квиррел, когда принял осколок лорда добровольно, начал гнить изнутри. Уверен, еще немного и его тело рассыплется прахом, а душа уйдет в чертоги Повелителя, ведь такой как Лонгботтом не раскается.

— Поттер! — зло выплюнул Лонгботтом, делая мину такой кривой, что еще чуть-чуть и мышцы переклинит. — Чего шарахаешься по ночам?

— Аналогичный вопрос, Лонгботтом. Чего тебе не спится? Бессонница?

Издваться над кем-то всегда было выше меня и моих вдолбленных устоев на примере дяди Вернона, Дадлика и тети Петуньи, но тогда я был человеком, забитым и зашуганным мальчиком из чулана под лестницей. Сейчас у меня другие взгляды на мир и прошлое осталось прошлым, ненужным и тяготеющим, как и душа, которой у меня более нет. Так что издаться я могу и буду, особенно над тем, кто в ближайшее время или отправится ко мне в желудок, или в чертоги Люцифера.

— Мальчики не ссорьтесь, — снова этот приторно-сладкий, как грех Джинни, тон, приклеивающий к небу язык, а щеки к зубам. — Лучше скажи мне, Невилл, как дела с поисками последнего крестража Тома? — вот тут душу Невилла окрасила пурпурным Гордыня, играя на моих вкусовых рецепторах нотками фуагра. Такой грех мне более приятен, чем Гнев. Его я бы с удовольствием сиюминутно отправил в желудок, даже не разжевывая. Но это лишь временный эффект, основной грех Лонгботтома — Гнев и мне он крайне неприятен.

— Крестраж, о котором вы говорили, директор, уже в моих руках, — показал мне и нарисованному старику костяную палочку, от которой шел остаточный шлейф энергии и магии Реддла, но не оскверненной ритуалом, а чистой, даже детской, словно и не было создано ни единого крестража.

— Палочка! Я так и думал! — обрадовался директор, говоря: — отдай ее мне, Невилл, — и протянул к палочке руку, материализованную за счет запретного ритуала и оскверненного осколка души, находящего на холсте, — вот теперь я готов! — к чему? И так понятно. К возрождению. — Гарри, мальчик мой, — словно этот елейный голос и манера растягивать слова, — подойди ко мне. — Не отказался, подошел, — протяни руку и возьми палочку со словами: «Принимаю».

Сущность уже пела в предвкушении, готовилась поглотить душу директора. Явно осколки из книги, снитча, диллюминатора, колокольчиков и картины в министерстве были соединены в палочке. И с этими словами к ним добавится и осколок с данной картины.

Директор все продумал, сделал Невилла переносчиком осколков, которые позже слились в заранее-подготовленный предмет с одной целью — захватить мое тело. Но не предугадал смену моей сущности, которая уже текла слюной и заранее переваривала лицемерную душу.

— Принимаю!

Вот и все, что я сказал, перед тем, как получил палочку в руки. Краем взгляда увидел победную, скалящуюся улыбку Лонгботтома, смотрящего за процессом захвата моего тела и уничтожения души. Но то, что произошло дальше его ни разу не порадовало. Ведь стоило палочке оказаться в моих руках, а склеенным кускам директорской души попытаться захватить тело, выбив душу владельца, случился поздний ужин. А так же внутренний разговор моей сущности с оскверненной душой Альбуса, не понимающего, что происходит, и почему дух не вышибается из тела.

— Что происходит? — удивлялся он, — почему ты все еще здесь?

— Потому что я хозяин тела, директор, и никому его уступать не собираюсь, — не говорить же ему сразу, с наскока, что у меня нет больше души и ему нечего выгонять. Пусть покажет себя, скажет все, что сможет, приведет убедительные аргументы, применит некоторые тактики, разыграв мой аппетит.

— Мальчик мой, ты должен уступить мне свое тело! — требовал старик, давя авторитетом, — мне, как ставленнику Света еще многое предстоит. Тьма не сдастся просто так. Темный Лорд — это титул передаваемый из поколения в поколение, и только мне под силу искоренить зло! — думал, его речь повлияет на мое решение и я, побежав, сверкая пятками, покину тело. Но дракла он в карман получит, а не мое тело. Об этом и сказал:

— Нет. — Коротко и по существу.

— Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому!

Намечалась битва. Директор призвал свою палочку и приготовился атаковать. Жар огненной стихии уже колыхал мой внутренний мир, нарастая с каждой секундой. Но жар его стихии ничто по сравнению с жаром серебряного клинка паладина, или святой водой истинного храма верующих в Бога. Так что его огненный феникс, направленный на меня с целью изжарить изнутри, ничего не дал. Лишь кружил и закручивал спиралью выпущенное с перьев пламя, окутывая меня столбом огня. Окутанный жарким маревом магической энергии, я стоял спокойно, выжидая окончания действия заклинания.

Прошло от силы две минуты, огонь стихал, а директор готов был распространить влияние своей душонки в моем теле. Но стоило фениксу вернуться в палочку, пламени потухнуть, а мне предстать перед очами Альбуса, атака повторилась. В меня, с претензией и вопросом:

— Почему ты такой живучий, паршивец? — полетели темно-магические проклятия и заклятия, в том числе и Непростительные.

Увернуться ото всех мне не составило труда, даже не напрягаясь. Атаковать в ответ не видел смысла, ведь стоит мне призвать душу, поманив ее пальцем, она окажется в моих руках, а впоследствии в желудке. Но у меня еще есть вопрос к директору, который и планирую задать перед тем, как съесть его и идти по своим делам дальше. Что я и сделал.

— Хватит! — короткое слово и вся магическая энергия, направленная на меня исчезла в мгновение ока, растворяясь в моем внутреннем мире. — Время ужина!

Отринув человеческий облик, поманил к себе его шокированную душу, представ перед директором с крыльями за спиной, рогами и хвостом, хлещущем мне ноги. Ядовито-зеленые глаза прожигали Альбуса насквозь, видя каждую трещину и спайку погрязших во тьме

осколков. Длинный, загнутый по-кошачьи коготь, испуская демоническую магию, окутывал фигуру директора черными нитями, притягивая ко мне в руки.

— Вот вы и попались, директор Дамблдор, — рука с выпущенными когтями касалась груди на уровне сердца. Было бы оно живо, забилось бы в конвульсиях, истерике и приступе, но его нет.

— Мальчик мой, — снова дружелюбным тоном говорит Альбус, — что ты со мной хочешь сделать? — со страхом и дрожью в голосе спрашивает директор. Ответ на вопрос очевиден:

— Съесть вас, директор, — с такой же милой и доброй, открытой и теплой улыбкой, как и он, отвечаю, опуская когти в полуматериальную плоть, вызывая стон боли, дрожь и еще больший страх в глазах, — ваша душа принадлежит мне. Вы сами ее отдали в мои руки, когда предложили палочку, — на лице директора промелькнуло понимание вперемешку с паникой, он наконец-то понял, кем я теперь являюсь.

— Демон! — страх так и бил по моим рецепторам, распаяя аппетит еще сильнее, но я сдерживал себя, пока что. Ведь свой вопрос я еще не задал. — Это же потрясающе, Гарри. Я как раз хотел заключить с тобой договор! — но увы и ах, с душами я договор не заключаю, особенно с теми, которые уже в моей власти и почти в желудке. Так что:

— Нет. Ваш удел — мой желудок! — и когти прошли еще дальше. Из глотки Альбуса вырвался безудержный вой боли, который оглушил меня и возбудил аппетит еще сильнее. — Но перед тем, как съесть вас, спрошу: — Где мои родители? — на этот вопрос Альбус не ответил, а зло оскалился, закрывая смиренно глаза и стискивая зубы, принимая удел быть моим ужином.

Вырвать огонь его жизни не составило труда, как и поглотить. Только сытости от такого я не получил, как и удовольствия. Лишь холод и мысли, как найти Джеймса и Лили, не привлекая никого, кроме Сириуса и Регулуса. Времени, если они находятся в коконе или магической коме, у меня достаточно, а вот у них — это вопрос. В любом случае найти родителей — моя обязанность перед родом Поттер, который прервался после того, как я стал демоном. Возможно, при наличии родственников, мне удастся скинуть пост Цербера, обязывающий служить Смерти.

— Директор Дамблдор! — воскликнул восторженно Лонгботтом, кинувшись ко мне, слегка склоняя голову в поклоне, — у вас получилось! Поттера больше нет! — но мне пришлось разочаровать верного песика, сказав:

— Нет. Директора Дамблдора больше нет, — и покинул коридор Гриффиндора, отправляясь в нашу с Драко и Блейзом комнату, чтобы подготовиться к уроку и поминальной службе по Рональду и Найджелу Уолперту, которого съел Уизли.

Но планам моим не суждено было сбыться. Стоило мне отойти шагов на десять так как от новости о провале и окончательной смерти директора, Лонгботтом взбесился. Шарахнуло мощным выбросом энергии его греха, который, как и в случае с Уизли, захватывал тело, становясь еще одним воплощенным. На крик и вырост энергии, заставляющий дрожать многовековые стены, сбежались старшие. Профессора, директор и старшие ученики, а так же оба паладина, предъявляющие мне претензии взглядом. Упрекающие:

— Что в этот раз, мистер Алиссар?

— Неужели нельзя было без этого обойтись? — спрашивала Полумна, смотря на Невилла, захваченного грехом Гнева.

— Они начали реализовывать план раньше, чем я предполагал, — и показал на первую

палочку Реддла, которая какое-то время была носителем большей части души директора, — мне предложили и я не отказался. Поглотил душу Альбуса целиком, оставшись хозяином тела, — Полумна сердилась, сдвинула тонкие пепельно-белые брови к переносице, соглашаясь с тем, что это простое стечение обстоятельств. Но у нее остался один вопрос:

— Почему Невилл стал воплощенным грехом? На нем же нет печати предателя?

— Потому что он носитель Гнева, и хранитель крестражей. Не одного, как Рон, а почти всех. Он на протяжении месяцев держал при себе куски души, являлся их вместилищем, когда переливал из одного сосуда в другой. Магия, скорее всего, посчитала это, как повод наградить печатью предателя, за неуважение к собственному телу и душе. Отсюда и воплощение. — Показал на Невилла, проходящего через те же метаморфозы, что и Рональд.

— Значит, выход у нас только один — Адское Пламя!

Алиссар

Невилл перешел в полную стадию трансформации Гнева. Стал выше на две головы, раздался в плечах, груди, стал грудой мышц, перекатывающихся под почерневшей кожей с яркими прожилками, горящими алым цветом греха. Одежда на нем порвалась в локуты, оставляя лишь брюки, ставшие шортами. Сам Невилл, а уже грех Гнева — это литое, накаченное тело, без изъянов и уязвимых мест. Энергия, выпускаемая воплощенным, расходящаяся во все стороны, давила на смертных, заставляя их припасть на колени, без возможности призвать палочку, атаковав магией. Но магия волшебников на него не подействует, а Адское пламя не каждому под силу контролировать.

— Тройной удар! — обнажает палочку Полумна, направляя на Невилла. На конце древка загорается багровый огонек, готовый устремиться вперед. Следом палочку призывает и Каро, так же готовясь нанести удар по Гневу. Моя палочка уже в руке, а на кончике древка, облизывая проводник, танцует черный огонек преисподней, притягивающий к себе пламя паладинов.

— Адское Пламя!

Заклинание и тройной всплеск мощной энергии, закручивающегося спиралью ало-черного вихря сорвалось с наших палочек и устремилось к цели. Следом и защита, накрывшая куполом Невилла, не дающая Пламени Ада распространиться дальше. Заклятье адского огня не погасить просто так, особенно тройную порцию. Грех, как только попал в воронку огня — взревел, пытался вырваться из вихря, порвать руками окружающий столб пламени, но лишь ускорил свою кончину.

— Мистер Лонгботтом, как же так? — по щеке декана Гриффиндора потекла слеза, которую она тут же подхватила и скинула.

С печалью и грустью на сгорающего в Адском огне парня смотрели все и прощались с ним, поминая лишь хорошими словами. Полумна, как и профессора с директором и учениками, смотрела на догорающее тело Невилла с состраданием, вспоминая их недолгий роман и чувства сердца. У меня ничего, кроме предвкушения провинившейся души, которая в ближайшее время окажется в чертогах Люцифера, не было. И стоило огню догореть, а защите сойти на нет, перед нами предстала душа Невилла, в которой не было и капли раскаяния, лишь гнев и ненависть, как и прежде ощущаемая мной остротой жгучего перца.

— Пошли, Лонгботтом, — показываю я на черную воронку, открывшуюся за его спиной, — Владыка Люцифер ждет, — на эти слова ахнула директор, закрыв рот ладонью, сдерживая слезы. Чтобы ее успокоить и утешить, профессор Флитвик опустил руку на плечо, слегка сжимая, говоря:

— Мистер Лонгботтом заслужил такую участь, Минерва. Поддался Гневу и сошел с праведного пути, — на эти слова Невилл лишь рыкнул, осмотрел всех присутствующих и криво улыбнувшись, показав средний палец, послав всех на хуй, резко развернувшись пошел в воронку следом за мной, оказываясь в чертогах Повелителя. А там нас уже встречали.

Генерал ада, владыка Сатана, олицетворяющий грех Гнева, смотрел на своего будущего заключенного, с которым ему предстоит общаться на протяжении тысячелетий, и отмечал, что к нему в руки он попадет не просто так, а за грех, в котором ни разу не раскаивается. Невилл, видя архидемона и обстановку, в которую попал: мрачный зал, длинные, тянущиеся

на сотни километров коридоры, из которых раздаются душераздирающие стоны и вопли, понял наконец-то что с ним будет.

— Поттер! Забери меня отсюда! — сменил гнев на милость Лонгботтоом, умоляя и прося: — я сделаю все, что ты скажешь, только пойдем обратно! — схватил он меня за рукав, и тряс, заливаясь слезами, как ребенок.

— Поздно пить Боржоми, когда печень отвалилась, — с оскалом сказал я, обращаясь к генералу Сатане с легким поклоном: — Генерал, он в вашем распоряжении. Грех Лонгботтома — Гнев, воплотившийся в мире живых, сформировавшийся из-за печати Предателя крови за нарушение законов Магии и неуважения своего тела и духа, а так же из-за крестражей, с которыми одержимый проводил много времени. Душа не раскаялась, а добровольно переступила порог Ада, вручая себя и свою судьбу в руки демонов.

— Что ж, Алиссар, — смаковал эманации лонгботтомовской души генерал, предвкушая нескучное времяпровождение: — я принимаю Невилла Лонгботтома в свои владения, — я снова поклонился, призывая воронку портала.

— Поттер, нет! — кричал Невилл, которого, по щелчку пальцев генерала, окружила черная клетка, унося через коридор Сатаны, прочь из зала, — Помоги! Поттер! Герой ты или задница куриная? — напоследок, чтобы окончательно разрушить надежду Невилла в моей помощи и героизме, из-за которого я и стал тем, кем являюсь, полностью представился, радуя взгляд Сатаны:

— Я — Алиссар, демон ада, дитя Люцифера, носитель греха Жадности, подчиненный генерала Маммона. А так же Цербер на службе Госпожи Смерти. Твой удел — заточение в аду на протяжении отведенного миру времени!

— Нет... — обессилено рухнул на колени Невилл, понимая, что это и правда конец его жизни, посмертия и перерождения. — Демон, ты — демон, а я-то думал... — но что он думал, я так и не услышал, клетка унеслась прочь из зала по длинному, почти бесконечному коридору.

Как только Невилл покинул зал, а следом за ним и Сатана, вернувшись в свои владения, я открыл портал в школу, оказываясь в коридоре Гриффиндора, где меня ждала лишь Полумна, Каро и еще один светлый страж справедливости. Паладин, осмотрел меня пристальным, внимательным взглядом, ища малейший намек и повод обнажить серебряный меч, снося голову с плеч. Но его так и не нашел. Хотя смотрел все так же пристально и внимательно, как Грюм с его постоянной бдительностью.

— Он нам подходит, — сказал третий паладин, делая вывод, опираясь на наблюдения, которые он провел за эти пару минут. Только к чему я подхожу, и с чего они взяли, что я на что-то соглашусь? Вот вопрос.

— Что вам от меня надо?

— Мистер Алиссар, у меня к вам деловое предложение о взаимовыгодном сотрудничестве. Как вы смотрите на то, чтобы стать частью боевой группы Милитии? — приподнял вверх бровь на манер профессора Снейпа, так же скрещивая руки на груди, уточняя, что за отряд такой и с какой радости мне — демону, паладин делает предложение о сотрудничестве. — Милития — это отряд специального назначения, который занимается искоренением тьмы, выявлением и устранением нарушений законов магии и мира, очищает сущее от скверны, — я стоял и не понимал, при чем тут я? Ведь я — зло, демон, несущий тьму, поедающий греховные души.

— Алиссар, — Полумна, подойдя ко мне, касаясь руки, смотря в глаза, распространяя

энергию серебра, окутывая Жадность своей светлой аурой, распаяя грех, живущий внутри меня и питающий сущность, требуя сжать в цепких руках девушку и не отпускать до тех пор, пока грех не отступит назад, убежденный в правах собственности, говорила: — нам нужна твоя способность распознавать артефакты, несущие оскверненную магию, как крестражи. Обычные маги их не ощущают пока не попадут под действие и не перейдут на последнюю стадию одержимости. И так не только с крестражами.

— Вы хотите использовать меня, как ищейку?

— Все так, Алиссар. — Коротко и честно. Но меня не интересует служба на свет и паладинов, вступать в отряд Милитии я не собирался, но ровно до тех пор, пока паладин не озвучил обязанность с их стороны: — вы помогаете нам находить окутанные запретной магией артефакты, а мы вам ваших родителей. Думаю, так будет честно, — было бы честно, будь я человеком или магом, но не демоном. Помощь посторонних, особенно светлых паладинов, меня не устраивает. Как и их присутствие рядом со мной. Поэтому ответ был таким:

— Нет, господа паладины. Ваша компания мне не интересна, — убрав руку Полумны со своего предплечья, сделав несколько шагов назад, к тени, улыбнувшись обворожительной улыбкой-оскалом, сверкнув на прощание ядовитой зеленью глаз, растворился в темном углу, говоря: — Свет и тьма не сотрудничают. — А лично Полумне: — Луна, помни, ты — моя! — и окончательно перешел в нашу с Драко и Блейзом комнату, собирая вещи и прощаясь со слизеринцами, обещая за ними приглядывать и навещать.

Драко и Блейз понимали, что надолго я в школе не задержусь, и покину стены Хогвартса, как только разберусь с крестражами и душами бывших друзей, окутанных грехами. Из четверых друзей, подверженных грехам, осталась лишь Джинни. Но с ней, по моей наводке, в ближайшее время разберется Сириус. Гермiona же, как Гораций, без души долго не проживут и начнут сгорать и чахнуть, сереть и становиться подобными призракам. А следом один конец — смерть.

— Куда ты дальше, Алиссар? — спросил меня Драко, перед тем, как я ушел через тень на километры от школы и Британии.

— На поиски родителей и исполнение своего долга, как Цербера, — Малфой, он же Блэк, ни капли не удивился, как и Забини, лишь уточнивший, с чего я взял, будто мои родители живы. — Когда стал Цербером, передал душу Смерти, то вспомнил ту ночь на Самайн и момент, произошедший в моей комнате. На моих глазах Волан-де-Морт убил мать, я так думал, пока не вспомнил стертые Обливиэтом воспоминания.

— Чего? — в один голос возмутились слизеринцы.

— Хм, — это все, что они получили в ответ.

Не вдаваясь в подробности, не рассказывая что на самом деле произошло в ночь на Самайн, покинул комнату, а с этим и школу, оказываясь за ее пределами, у самого края аппарационного купола. Там меня встречал профессор Снейп, провожая, говоря:

— Передайте Лили, что я ее прощаю, — кивнув призраку на прощание, напомнив о подарке Регулуса, способного сделать его материальным за счет картины и источника школы, перенесся тенью на Гриммо, к Сириусу и Регулусу. А оттуда, видно будет. Жизнь у меня долгая, времени на то, чтобы найти родителей у меня много. А с такими помощниками как братья Блэк тем более.